

Влад Савин

ВОЙНА

ИЛИ МИР

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Морской волк

Владислав Савин

Война или мир

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Война или мир / В. О. Савин — «АСТ», 2018 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-109188-0

«Война или мир» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». Исправляя известные ошибки истории, не совершаем ли мы новых? Не начнется ли в альтернативном мире Третья мировая война уже в 1950 году – из-за резкого обострения не Корейской (в этой истории отсутствующей), а Китайской войны, в которую, поддерживая Мао и Чан Кайши, вмешиваются и СССР с США? Или все же выйдет в итоге «мир лучше предыдущего»?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109188-0

© Савин В. О., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	59
-----------------------------------	----

Влад Савин

Война или мир

© Влад Савин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Благодарю за помощь:
Толстого Владислава Игоревича – позволившего мне использовать
в тексте переработанные отрывки из его романов с Самиздата.
Сухорукова Андрея – за очень ценные консультации по истории
авиации.*

Шопина Василия.

Товарища Н. Ш. – он знает, за что.

*А также читателей форума Самиздат под никами Old_Kaa,
otikron, HeleneS, Библиотекарь и других – без советов которых, очень
может быть, не было бы книги. И конечно же Бориса Александровича
Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.*

*Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене Татьяне
и дочери Наталье, которые не только терпимо относятся к моему
занятию, но и приняли самое активное участие в создании образов Ани
и Лючи.*

*От себя не сбежать: миллионы невидимых уз
Не позволят нам детство забыть, даже тем, кому
n***й.*

*Мне сегодня, ребята, приснился Советский Союз,
И мне кажется, мы слишком быстро простились
с эпохой.*

Из ненаписанных мемуаров

Мир, где Великая Отечественная война кончилась на год раньше. Где наши дошли не до Эльбы, а за Рейн, включив в соцлагерь Германию целиком, а также Италию, Австрию, Грецию. А СССР потерял на шесть миллионов человек меньше.

История не знает сослагательного наклонения? А нам плевать! Параллельный это мир, перпендикулярное время – пусть о том спорят ученые! Нам же достаточно, что Советский Союз получил второй шанс. Чтоб не было никакой «перестройки». И не было – «капитализм есть высшая стадия общественного развития»!

Но, избегнув тех ошибок, не наделаем ли мы новых? И будет ли вообще жить этот измененный мир?

Здесь не было Хиросимы и Нагасаки – а были Сиань и Шанхай, обоюдные атомные удары в битвах Китайской войны (взамен отсутствующей Корейской). Столица Освобожденного района КНР – и порт, где разгружалась дивизия Армии США. Двести тысяч погибших китайцев – и тридцать тысяч американцев. И мир, только что переживший самую разрушительную в истории Вторую мировую войну, сейчас стоит на грани Третьей.

То, что получится в итоге – будет ли лучше «толерантного» мира начала XXI века? Кстати, слово «толерантность» в этом времени – медицинский термин, состояние ослабленного организма, когда он уже не может бороться с возбудителями болезней.

Мы – это экипаж атомной подводной лодки Северного флота, попавшей в провал времени, из 2012 года в 1942 год. И мы пойдем до конца с этим миром измененной истории – иной дороги нет.

Из сообщения ТАСС.

14 сентября 1950 года (альт-ист)

Продолжается героическая борьба китайского народа, под руководством Коммунистической партии Китая и при интернациональной поддержке СССР, против американских интервентов и их белокитайских пособников-прихлебателей. В провинции Шэньси идут бои между экспедиционным корпусом США и Китайской народной армией, поддержанной частями маньчжурских, корейских и советских добровольцев. В Среднем Китае коммунистический партизанский отряд под командованием товарища Ли Юншена захватил и продолжает удерживать авиабазу Синьчжун, до недавнего времени использовавшуюся ВВС США.

Над Китаем.

Ночь с 14 на 15 сентября

Мерно гудела шестерка двадцативосьмицилиндровых «Пратт и Уитни», методично рубя воздух огромными винтами диаметром в добрых три человеческих роста. Металлические лопасти отбрасывали взбудораженный и взбаламученный воздух, толкая вперед исполинский бомбардировщик. В спаренных мотогондолах дремали – пока что! – турбореактивные двигатели J47. Их час придет позже, когда настанет время уносить ноги...

Полковник Джефффри Ройс нервно облизнул губы. Он бы тоже был рад вздремнуть во время долгого полета, но напряженные как струна нервы не дали бы ему заснуть не то что в пилотском кресле или на жесткой подвесной койке в хвостовой гермокабине, но даже на мягчайших перинах в номере люкс... Впрочем, это было неудивительно, учитывая характер подвешенного в бомбоотсеке гостинца... Нет, умом-то Ройс понимал, что двадцать тысяч тонн тротилового эквивалента, таившиеся в тиквообразном, с уродливым стабилизатором, корпусе, просто так не взорвутся – сколько времени на инструктажах летчикам говорили о многоуровневой предохранительной системе бомбы? Но одно дело – понимать это умом. А вот душа упорно забивалась в пятки при мысли о чудовище весом в десять тысяч фунтов, которое могло в мгновение ока испепелить немаленький город, вознеся в небеса его жителей в чудовищной гекатомбе.

Но покоившийся в бомбодержателе «Толстяк», как ни странно, тревожил полковника куда меньше, чем порученное его экипажу задание. Отбомбиться по макакам это ладно, китайцев много, никто не заметит и не огорчится, если сто или двести тысяч желтомордых одновременно вознесутся на небеса – сколько миллионов своих перебили сами китайцы в бесконечной собственной смуте? Но все и в Японии, и на Окинаве уже знали, что стало с портом Нью-Шанхай – несмотря на старания контрразведки, пытающейся «пресечь распространение слухов». Русские – это не макаки, и если они так нервно отреагировали на потерю пары десятков своих штатских, что погибли в Сиани, то что же будет теперь? Не говоря уже о...

– Командир, десять минут до цели! – прозвучал в наушниках на удивление спокойный голос штурмана.

– Я понял, – ровным тоном ответил Ройс.

Он повернул голову и встретился взглядом со своим вторым пилотом.

– Ну что будем делать, Чак?

Глаза Чака лихорадочно блестели, на лбу поблескивали бисеринки пота. Он судорожно сглотнул и ответил, глядя в сторону:

– А что мы можем сделать?

– Чак, не юли. Передо мной не юли! – с металлом в голосе сказал Ройс. – Черт, ты же не эти... – он пренебрежительно ткнул пальцем за спину в сторону хвостовой гермокабины. – Мы же с тобой прошли через всё! Сколько ты со мной летаешь? С конца сорок второго? Господи, Чак, мы же горели вместе! Я думал, что мы – друзья! Мне нужна твоя поддержка, а ты...

Второй пилот снова сглотнул, поднял побледневшее лицо и тихо произнес:

– Я с тобой, Ройс... делай, что должен.

– Хорошо, – медленно проговорил Ройс. – Хорошо. Если только там русские, тогда делаем, как договорились...

Слово было произнесено, и хотя пока ничего непоправимого не случилось, и даже задание еще могло быть выполнено, но полковник буквально задницей чувал, что путь назад отрезан. И от этого, как ни странно, с души наконец-то свалился тот груз, что лежал с самого предполетного брифинга...

– Итак, – указка в руке генерала скользнула по карте, – ваша цель – база Синьчжун. Которая пять дней была захвачена отрядом макак. Красных, естественно, макак, – зачем-то уточнил он, хотя это было понятно и так. Свои макаки на такой фокус бы не решились. – Проблема в том, что там находилась эскадрилья новейших В-47, ни один из которых взлететь не успел. Ясно, что Советы не упустят случая завладеть совершенно секретной техникой. Мы не можем этого допустить – потому самолеты надо уничтожить. Вместе с базой – по-другому не получится. Это и будет вашей задачей. Вопросы?

– Какое ожидается противодействие, сэр? – спросил Ройс.

Вопросов-то у него было много. Но не все из них он решился бы задать. А сейчас важнее всего детали, мелочи, в которых-то и кроется дьявол.

– ПВО базы была всего одна батарея «бофорсов», так что противодействия можете не опасаться, – скупой улыбнулся генерал. – Даже если комми ее захватили в целости, она вас просто не достанет.

– Спасибо, сэр. Еще вопрос... вы ничего не сказали о том, какие силы выделены для выполнения миссии. Ведь на истребительное прикрытие мы, разумеется, рассчитывать не можем?

Лицо генерала приняло неопишемое выражение: казалось, он хочет за что-то извиниться... и не может позволить себе этого.

– Участвовать будет только ваш экипаж, полковник.

– Но, сэр, для надежного достижения результата одной машины недостаточно!

– Сынок, – устало произнес генерал, – ты ведь помнишь, что было над Шэньдуном, совсем недавно? Мне тяжело это говорить, но боюсь, что в будущей войне В-29 – это всего лишь мишени. И стандартные В-36 недалеко от них ушли, а вот ваша «полуреактивная» птичка имеет шанс, особенно ночью. Но из трех полученных 11-й авиагруппой сейчас боеспособна только одна ваша машина – не мне тебе рассказывать, сколько проблем с новой, пока еще совсем «сырой» техникой, ты ведь помнишь, как мы укрощали первые В-29 в сорок третьем? Придется обходиться тем, что есть под рукой: В-47 на базе Синьчжун должны быть уничтожены во что бы то ни стало! Для этого решено использовать изделие¹. Собственно, сейчас его и подвешивают на самолет. Мк-3 мощностью в двадцать тысяч тонн тротила. Ну, полагаю, вам о ней немного рассказывали...

¹ Попервости американцы так и называли бомбы – *gadget*. – Здесь и далее прим. автора.

Ройс переглянулся со своими вторым пилотом и штурманом и почувствовал, как у него под пилоткой волосы встают дыбом.

– Сэр... бомба? – хрипло произнес он, не узнавая своего голоса. – Но... там же могут быть наши, пленные. Бомба ведь не разбирает, кто свой, кто нет...

Генерал как-то неловко переступил с ноги на ногу, закашлялся и посмотрел на хмурого типа в штатском, все это время безмолвной тенью сидевшего у окна.

– По нашим сведениям, наших там нет, – равнодушно сказал хмурый тип. – Уже нет. Макаки не любят брать пленных...

Когда экипаж прогревал моторы – длительная процедура, занимавшая до часа времени – в пилотскую кабину поднялся штурман.

– Командир, на пару слов...

– Валяй, – согласился Ройс.

– Командир, все это – большая куча дерьма. Ты всерьез думаешь, что макаки могли захватить нашу базу? Да ладно. Их талантов хватает на то, чтобы толпой бежать на пулеметы. Конечно, большой толпой можно и пулеметы, и зенитчиков затоптать... когда боеприпасы кончатся. Но наши бы уж всяко успели радировать. А тут раз – и тишина.

– Да-а? – Ройс с интересом посмотрел на штурмана, затем переглянулся с Чаком. – Полагаешь, там русские?

– А то нет... – невесело сказал штурман, – тоже пришли за новыми птичками. А еще там наверняка полно наших. Я бывал в России в ту войну, В-25 перегонял, с русскими говорить приходилось. Так вот они никогда не убивают пленных, кому повезло выжить после боя. Если только ты не эсэсовец, убивавший их гражданских, но это ведь не тот случай? Так что наших, скорее всего, посадили под замок. И... – он глубоко вздохнул, словно перед прыжком в холодную воду, – там и мой отец. Он – испытатель у «Боинга». Если русским нужны В-47, то без экипажей они никак не обойдутся. Сам же понимаешь – не так просто угнать совершенно незнакомый самолет. По крайней мере, я не верю, что русским удалось бы всего за пять дней поднять в воздух «сорок седьмые» – я слышал от приятеля, у них репутация сейчас еще хуже, чем у «шутинг старов» была в самом начале карьеры.

– Вот дерьмо!.. – пробормотал Ройс.

Неудивительно, что генерал выглядел словно нашкодивший кошка. Конечно, он не был рад, впаривая своим ребятам такую кучу дерьма. Не говоря уже о сомнительной славе того, кто отдал приказ сжечь своих... Ну да, официально наши все уже убиты, но сам генерал будет знать... да и не только он. А еще, когда и если всплывет, кто окажется крайним? Отчего-то всегда бывает – что тот, кто исполнял приказ, а не тот, кто его отдал!

– О боже! – выдавил бледный как мел Чак. – Сбросить это на наших... Джеф, что же нам делать?

– А что мы можем сделать? – механически спросил полковник. – Есть приказ...

– А еще есть Шанхай... точнее, что от него осталось! – с жаром возразил штурман. – Если русские так отомстили за Сиань, то что же будет, когда погибнет батальон-другой – сколько там нужно для быстрого захвата авиабазы – их осназа? Ты хочешь начать новую мировую войну, теперь уже атомную?

– Хорошо, – Ройс в упор посмотрел на штурмана. – Что ты предлагаешь, Майк? Что?

– Предлагаю чуть ошибиться и сбросить бомбу в районе цели, но в стороне – так, чтобы не попасть. Могли же мы промазать? Даже если это как-то выйдет наружу, ну выкинут нас в отставку в крайнем случае – и что, такие brave парни и опытные летуны не смогут найти работу хоть в «Пан Ам»? Я и с Эндрю говорил, ему это тоже все не по нутру...

Ройс поморщился – вот уже и бортинженер вовлечен в заговор. Да-да, в заговор. Они же не дети, надо называть вещи своими именами. С другой стороны, штурман был прав: начинать Третью мировую войну ему не хотелось. И ходят упорные слухи, что Советы пригрозили

ударить по прибрежным городам в Штатах – как в том нашумевшем фантастическом романе, изданном пять лет назад, о войне между Континентальным альянсом и Атлантической лигой; может, атомные суперторпеды в сто мегатонн и вымысел, но ведь на Шанхай с моря что-то прилетело! А у Ройса в Нью-Йорке семья – и страшно представить – атомный гриб над Большим Яблоком и обуглившиеся трупы дочерей на лужайке перед домом! Макаки в Сиани – это другое: общеизвестно, что у черной и желтой рас более примитивная душевная организация и простое отношение к смерти. Потому их гибель – это совсем не трагедия. Но смерть ста тысяч цивилизованных белых людей – это совсем другое!

– До цели пять минут, – сообщил штурман.

Ройс до боли в глазах всматривался в темноту, но впереди – там, где лежала база, не было ни проблеска света. Неужели Майк оказался прав? И это паскудное задание станет концом его карьеры?

– Сэр, нас облучают локатором, – встревоженно сообщил оператор РЛС.

– Может, это наши с базы? – для порядка спросил Ройс.

– Нет, сэр, наши радары используют другие частоты. Это определенно русский локатор!

Дьявол! Если есть локатор – значит, он дает целеуказание чему-то. Полбеда, если зенитки, даже тяжелые, попасть в одиночный бомбардировщик, летящий на десяти километрах, не так просто. А если истребители? Тем более что Ройс успел узнать, что над Синьчжуном уже пропал разведывательный RB-29.

– Диполи за борт! Огневые установки в готовность!

И летят вниз пачки фольги, рассеиваясь облаками, от которых на экране локатора сигнал, как от настоящего самолета. Правда, быстро отстают и вниз опускаются, так что опытный оператор радара помеху различит. По громадному фюзеляжу бомбардировщика прошла короткая вибрация, когда дистанционно управляемые турели двадцатимиллиметровых пушек выдвигались из походного положения в боевое. Наводчики всматривались в визиры – но в ночи ничего нельзя было разглядеть. Хорошо – значит, и нас не видят!

– И, я думаю, пора пришпорить нашу малышку.

С мягким свистом ожили до сих пор молчавшие J47. И словно могучая рука великана ухватила многотонную машину и повлекла ее вперед. Скорость увеличивалась, с крейсерских меньше четырехсот километров в час до максимальных шестисот пятидесяти². Что давало хороший шанс на неуязвимость – Ройс знал, что на учениях в Штатах даже новейшие Ф-84 не могли перехватить В-36Е, идущий на полном газу на большой высоте. Скоро уже можно бросать – и домой, доложить, что задание выполнено. Ну а кто после предъявит претензию по точности бомбометания, тот пусть попробует бомбить ночью вслепую сам!

Двигатели выли и свистели, пищали сервомоторы, гудела вентиляция, даже несущие фермы фюзеляжа вибрировали и скрипели от нагрузки на максимальном режиме полета, как мост под тяжелым составом. Внезапно к шуму добавился отрывистый лай огневых точек. И крик оператора:

– Нас облучают! Это уже истребители!

Американские бомбардировщики заслуженно считались «летающими крепостями». Если В-17 в этом плане не отличался от других, выделяясь лишь числом стволов, то уже на В-29, затем на В-50 и В-36 сначала пулеметы кольт-браунинг, затем 20-мм пушки M24A1 наводились по данным радара заднего обзора, с помощью весьма совершенной для своего времени системы управления огнем, причем каждый стрелок-оператор мог вести огонь из нескольких турелей. Но сейчас созданная еще в 1943 году автоматика прицелов, рассчитанная на поражение японских «Зеро», уже не соответствовала эпохе, реактивные истребители были гораздо быстрее, и потому большая часть снарядов уходила в ночную тьму. Зато дульные вспышки и

² Автору известно, что у американцев измеряют в милях. Но нам привычнее в км/ч.

трассеры обозначили цель для русских – В-36 сейчас сверкал в ночи, как рождественская елка, стреляя из всех стволов. Ройс включил СПУ.

– Майк, бросай бомбу.

– Но...

– Нас атакуют. Нужно уходить. Приказываю: изделие сбросить. Немедленно!

Медленно, с натугой, раскрываются бомболюки. Бледный как смерть штурман нажал кнопку сброса. Плевать, куда упадет бомба – главное, выжить! И тут русские истребители открыли огонь, их пушки были дальнобойнее и точнее, снаряды кромсали фюзеляж и правое крыло, два самых крайних двигателя выбросили снопы пламени. Ройс рефлекторно рванул штурвал в сторону. Тяжелая, не израсходовавшая и половины топлива машина реагировала неохотно. В-36 был прочным и живучим самолетом, и вполне мог лететь даже на половине моторов, если налегке, без груза в бомбоотсеке. По крайней мере, можно было дотянуть до побережья, где велик шанс найти американские комендатуры и войска.

– Радист – передать домой: атакованы истребителями!

Ройс успел заметить тень, скользнувшую мимо, правее и выше. Русский ночной истребитель, реактивный, и крылья стрелой, но не «МиГ», две мотогондолы, как у британских «метеоров». Его не успели обстрелять, слишком велико было угловое перемещение, турели не могли разворачиваться так быстро, а прицелы отрабатывать данные стрельбы. Но русских истребителей было два, и второму повезло меньше. Сразу две турели бомбардировщика скрестили на нем трассы. Казалось, все будет хорошо – и даже карьера не загублена: атака ночных истребителей – это законный повод сбросить бомбу! А повреждения не смертельны – зато достаточное основание, чтобы на повторную миссию (если генерал не отступится) послали бы кого-то другого! Сейчас они скроются в ночи, уходя из зоны видимости русского локатора. А если внизу окажется китайская деревня – макакам точно не позавидуешь, но это их, макак, проблемы!

Это были последние мысли Джеффа Ройса за мгновение до того, как ведомый Як-25 врезался в бомбардировщик. Был ли таран осознанным, или пилот уже подбитого истребителя просто не сумел разойтись с начавшей маневр целью и не оценил ее размеры, этого никто не узнает. Но когда восьмитонный истребитель со скоростью восемьсот километров в час врежется в стотонный бомбардировщик, все еще идущий более чем на шестистах, это страшно!

Тел после так никогда и не нашли – десяти американцев и двух русских, капитана Александра Долинина и старшего лейтенанта Дмитрия Васютина. Успел ли кто-то выпрыгнуть с парашютом – не имело значения. Потому что бомба взорвалась прежде, чем кто-то из парашютистов мог бы приземлиться.

Ни штурман, ни Ройс с Чаком не знали, что уродская тыквообразная форма корпуса бомб типа Mk-3 и их стабилизатор, предназначенный не столько для стабилизации падения, сколько для его замедления, приводили к рысканью «Толстяка» по курсу и тангажу аж до двадцати пяти градусов. Даже на полигоне эта бомба практически никогда не попадала в цель, отклоняясь иной раз на расстояние до полутора миль от точки прицеливания. И волею случая взрыв на высоте триста пятьдесят метров был в трех километрах от периметра базы Синьчжун – почти точно над лагерем одной из «дивизий» генерала Мо, ведущих осаду.

Из сборника «В небе Китая».

Москва: Изд-во Военно-ист. литературы, 1970

Наш 37-й гвардейский истребительный полк был одним из первых на Дальнем Востоке, освоивших реактивные истребители. Уже летом 1949 года мы летали на МиГ-15, уверенно сдав весь положенный курс задач боевой подготовки. Причем почти треть пилотов – все комэски и большинство звеньевых – имели 1-й класс, что означает способность выполнять боевые задачи в сложных метеоусловиях, и ночью и днем.

Наверное, последнее и оказалось решающим, когда в апреле 1950 года пришел приказ срочно осваивать Як-25. Первоначально принятый нами без особого энтузиазма – «Як» в сравнении с «МиГом» был крупнее и тяжелее, да и в скорости уступал, был скорее на штурмовик похож, зато имел намного большую дальность и продолжительность полета, бортовой радиолокатор. Считалось, что маневренный воздушный бой не его задача, хотя, конечно, он хорошо бы мог работать на вертикалях против поршневых. Но главным его назначением у нас была служба перехватчиком ПВО – против тяжелых бомбардировщиков, прежде всего носителей ядерного оружия. Напомню, что США уже тогда держали эскадры своих «атомоносцев» в Японии, на Окинаве, имелись сведения, что и китайские авиабазы задействованы в качестве передовых. С учетом агрессивного курса американской политики это была реальная угроза, которую мы должны были быть готовы отразить.

С «МиГа» на «Як», двухмоторный и двухместный. Но конкретно летом 1950 года этому не было альтернативы. МиГ-17П появился в строевых частях лишь в пятьдесят первом. Тогда же, через год, наши истребители получили и самые первые отечественные ракеты К-2, «воздух-воздух» – у немецких товарищей уже в сорок седьмом были приняты «Хеншель-298», так они были слишком громоздки и тяжелы даже для «Яка», их лишь «Сова», Не-215 поднимал, так это самолет размером со средний бомбер, крупнее, чем Ю-88. А война рядом шла, надо было границу прикрыть – и тут наш опыт полетов ночью и в плохую погоду, и высокий уровень подготовленности личного состава вообще сыграли большую роль.

Локаторы были еще не очень надежны. По факту это был радиоприцел-дальномер, работавший узким конусом вперед. А перехват скоростной и высотной цели, даже днем и при хорошей видимости, дело непростое. Вот представьте, скорость у вас под тысячу, у него пятьсот-шестьсот, и если на встречно-пересекающихся, то суммарно выходит как сверхзвук, или около того. А на какой дистанции можно визуально обнаружить цель – если идеальные метеословия «миллион на миллион» далеко не всегда? Несколько километров проскочишь быстрее чем за полминуты – и если с целью разминешься в неудачном ракурсе, не так просто снова в атаку зайти, радиус виража у реактивного куда больше, чем у «ястребков» времен Отечественной. Оттого и старались нас локаторщики выводить в хвост цели, тут работать гораздо проще. Методом «по кривой погони», это когда, грубо говоря, ваш нос на сближении направлен на цель – или «параллельного смещения», траектория более короткая, но рассчитать сложнее. И лишь при выходе на финишную прямую мы включали свой локатор, еще и затем, чтобы внезапности достичь, у американцев уже были приборы, наш сигнал обнаруживающие.

Вооружение – только пушки. Кстати, с К-2 тактика была той же, вышел на цель с ее хвостового ракурса и пустил, подсвечивая радаром, наведение было даже не полуактивное СН, а радиокомандное. Ну а полное, «пустил и забыл», это уже где-то середина 50-х. Но пушки были хорошие! Тридцатимиллиметровки, с лучшей баллистикой, чем стандартные для первых «мигов» калибры 37 и 23. В пятидесятом году уже были и МиГ-15 с новым вооружением, но не на Дальнем Востоке, по крайней мере я про это не слышал. Европа тогда считалась приоритетным ТВД, если начнется, туда самое новое и шло. Но на «яках» с самого начала стояли 30-миллиметровые, две штуки, по сто двадцать патронов на ствол. Пушка была – зверь: совсем немного уступала НС-37 по мощи снаряда, но по дальноточности, скорострельности и точности намного превосходила.

Мы поначалу под Харбином стояли, его прикрывали. Неся всю тяжесть ответственности за зону целой дивизии «мигов» – летавших днем и в хорошую погоду. А ночью – все на нас. Рассредоточены были поэскадрильно, а иногда даже по звеньям, если командование что-то решало, у нас площадок было три основных, у каждой эскадрильи своя, столько же запасных и, наверное, с десятком маневренных, для подскока – на которых, однако, была какая-то инфраструктура: и запас керосина и БК, и хотя бы ремлетучка, и выспаться-отдохнуть. Хотя какой культурный отдых в маньчжурской глубинке – хорошо еще, если КВЖД рядом, а могли месяц

на точке сидеть километрах в двухстах от железки. Зарплата, правда, с надбавкой шла, и срок выслуги с коэффициентом.

Мороки было! Як-25 с грунтовок летает плохо. Движки низко под крылом – механики не нахвоятся, после «мигов» обслуживать удовольствие одно. Но зато с полосы мусор сосут, даже камни, когда взлетаешь, – а лопасти в компрессоре алюминиевые, ломаются легко. До того доходило, солдат или китайцев с метлами посылали, километровую полосу мести! И все равно – в полку почти у каждого был хотя бы один случай, когда движок в воздухе ёк, и садиться приходилось на одном. И две катастрофы, без войны, в мирное время!

А вот воевать до того дня нам не приходилось. Мы же «ночники» и всепогодники – а гоминьдановцы ночью не летали совсем, так что против нарушителей границы, было в сорок девятом – пятидесятом несколько случаев, «мигов» поднимали, не нас. Знаю, что на морском фронте инциденты были и с американцами – так где мы, а где Тихий океан? А вот опыт работы со всяких там площадок, при походно-полевом базировании, накопили большой, как и дальних перелетов. Что тоже командование вспомнило.

Так что Синьчжун был для нас поначалу всего лишь одной из задач. Мы туда прибыли, когда «наши» В-47 уже перегнали, там оставались только нелетные. Ну, мы их тоже осмотрели внимательно – вероятного противника надо знать! А так было даже скучно. За день до того, взлетали на перехват разведчика, по наведению с радара – это был двухмоторный В-26 с китайскими опознавательными знаками, может, и не разведчик, а заблудился? Его капитан Матюшкин сбил.

Отчего мы в воздухе не барражировали, для чего, собственно, Як-25 и был предназначен, мог часа три, даже четыре болтаться? Так это, к примеру, в Ленинградской армии ПВО легко, когда у тебя целый полк сидит компактно, на хорошо оборудованной базе, сорок машин, тут можно и постоянно пару в воздухе держать! И то делали так не всегда, а при «повышенной боеготовности», когда войной пахнет. Ну а когда, как в Харбине, звеном надо прикрыть район, лишь немного меньший, чем под Ленинградом был зоной ответственности целого полка? И техника новая, не вполне еще надежная. Ну и в пятьдесят третьем, когда я в ЛенВО служил, на острове Сааремаа, во многих полках уже не МиГ-15 были, а МиГ-17П, которые и ночью работать могли, не все на нас одних. Хотя и хуже, чем «яки» – все-таки большая продолжительность полета, и штурман-оператор в экипаже, это для «ночника» огромный плюс!

Сейчас, на тот день оглядываясь, вижу – ошибки были. Надо было как минимум одну пару заранее поднять, ну а вторую – сразу же. Но когда нас четверо всего, причем на круглосуточной ответственности, а не ночь одна, как на западе... А люди не железные, и техника иногда подводит – у Матюшкина, как назло, движок меняли: то самое, камней наглотался с полосы, а у старлея Семенова локатор сбоил, налаживали. Станции «Корунд-1» наши возможности сильно расширили, но капризные были, как женщины – буквально каждый экземпляр индивидуальной настройки требовал, и дальность обнаружения могла отличаться раза в полтора у вроде бы однотипных изделий!

Как локаторщики сообщили, через полторы минуты пара на взлет, я и капитан Долинин. Цель одиночная, высотная, по всем параметрам В-29, у нас на его летные данные глаз был пристрелян, поскольку на учениях стандартную задачу на нашем Ту-4 отрабатывали. Успели набрать шесть тысяч, когда с «Березы» кричат, что цель резко ускоряется. А нам надо не только подняться еще на четыре-пять тысяч, но еще и зайти этому гаду с хвоста! Вверх лезем на форсаже – и тут с земли сообщают, цель ставит помехи, мы ее теряем.

Но я уже успел эту тварь в луч поймать. Тут уже и помехи, ленты фольги, не помогут, они быстро вниз опускаются. На Як-25 радар с прицелом был совмещен, когда метка в центре индикатора, то можно стрелять. А еще на моей машине был тепловизор, ИК-техника, чтоб вы знали, еще до войны в СССР разрабатывалась, теперь еще и с немецкими трофеями соединили, так что на самолетах комэсков и командиров звеньев такой прибор был. И что за черт – вот

не похожа картинка на привычную, с учений! Рядом со слабыми выхлопами моторов по краям два факела светятся, явно реактивные!

Альбом вспоминаю, с техникой вероятного противника – вот была там и такая экзотика, бомбер, а к торцам крыла пристыкованы два Ф-84, так американцы пытались задачу истребительного прикрытия дальних бомбардировщиков решить. Положим, эти ночью ничего не увидят – так что мешает точно так же Ф-94 прицепить, «шутинг стар» в ночной версии? А этот урод, тем более значит, не с простым грузом – валить его надо, пока не отцепились, может, закувыркается и крылья поломают, и им, и себе! Я и всадил, патронов не жалея! Высота была одиннадцать тысяч, дистанция открытия огня где-то две, может чуть меньше. Слышу, штурман мой, старлей Рысаков, восклицает: Ух ты, огромный!» Тогда лишь я от прицела взгляд отвел – ну ешкин кот, это уже после вспомнилось, когда из атаки выходил, силуэт В-36 тоже в альбоме был, но вот так вживую его видеть! Громадина, намного больше В-29, не четыре мотора, а шесть, а по краям еще реактивных четыре, значит, самая последняя модификация, вот отчего так резво шел! Но и мы промахнуться никак не могли, и после меня еще должен был Долинин атаковать. А наши 30-миллиметровые, я повторяю, были ну очень действенным оружием – двухмоторный бомбер в воздухе просто разваливало, да и для В-29 половины боекомплекта с избытком бы хватило, ну а тут мы вдвоем отстрелялись хорошо!

Мимо проскакиваю, принимаю целеуказание «Березы», на вторую атаку. Судя по ним, цель падает – резко теряет высоту, оставаясь почти над одним местом! Долинин не отвечает, оторвался, что ли? Запрашиваю – земля, где «Коршун-2»? И тут вспыхнул яркий свет, и истребитель хорошо трянуло! Радио обрубилось и локатор. И даже сквозь гул движков слышу, как Рысаков что-то кричит из задней кабины. Оказалось, он наружу смотрел, как рвануло – и ослеп. Да, было – что по уставу пилоты «мигов» в ПВО с затемненными очками летали. Но не мы – ночью в кабине приборы не увидишь, освещение все же не дневное!

Отчего взорвалось, я не знаю. У американцев первое поколение атомных боеприпасов было урановое, «пушечной» схемы, самой простой, когда два куса соединяются, образуя критическую массу, от взрыва самого обычного заряда. Так что могла, как обычная авиабомба, детонировать от огня или удара. Может быть, экипаж успел ее сбросить, чтоб гибнущий самолет облегчить. Может, даже было, как в том голливудском фильме, когда бомбардир остается на своем месте до конца и сам подрывает бомбу, чтобы побольше наших с собой унести. Не знаю – и не знает никто. И никогда уже не узнает. Да и какое это имеет значение, отчего взорвалось?

Я бы хотел узнать, что стало с Долининым и его штурманом Васютиным, они так и числятся пропавшими без вести. Мой ведомый ведь был рядом со мной, а значит, не мог так пострадать от самого взрыва? Возможно, они были ослеплены, как Рысаков, и, лишённые связи, пытались как-то посадить «Як»? Отчего не катапультировались? Никто больше не видел их «Яка», не нашли ни тел, ни обломков. Хотя прошло много времени, прежде чем наши туда вернулись, – но ведь и американцы не сообщали ничего?

А мне пришлось сажать истребитель, без связи с землей, с беспомощным штурманом в задней кабине. База горела, и полоса была видна, оставалось надеяться, что на ней не навалило обломков. В конце пробега «Як» все-таки налетел на что-то и покатился на брюхе – повезло, что не было пожара! И что рядом оказались китайские товарищи, вытащившие меня и Рысаква из кабины. А Матюшкин и Семенов взлететь не успели, из их экипажей в живых остался лишь лейтенант Головня, сильно обгоревший.

И погиб расчет «Березы» – те, которые обеспечили нам победу. И, наверное, спасли тех, кто выжил – что было бы, если бы американцы не промахнулись?

Утешало лишь, что из экипажа В-36, десять человек, никто выжить не мог даже теоретически. И стоимость огромного «стратега» для американской казны – побольше, чем наши четыре истребителя.

А дальше – был прорыв, рейд по американско-гоминьдановским тылам. Но про него уже рассказано и написано много помимо меня.

Ночь с 14 на 15 сентября.

Возле авиабазы Синьчжун

Генерал Мо, полномочный правитель не самой маленькой из китайских провинций, был доволен. Как в притче Конфуция – умная обезьяна сумеет извлечь выгоду даже из смертельной драки двух тигров!

В двух атаках сдохло не меньше двадцати тысяч этих ничтожных червей! И за каждого американцы обещали заплатить по пятьдесят долларов, и еще по полному солдатскому комплекту – винтовка, патроны, обмундирование, каска, сапоги, ранец и паек на три дня. И русские тоже приняли эту игру, раз сами предложили забрать сдохлых все, что на них было – так что даже не придется тратить на снаряжение для тех, кого завтра наловят в деревнях! Ведь истинно, что низшие должны не жалеть своих ничтожных жизней ради блага вышестоящих – почитание власти, начальства и родителей, это высшая добродетель, как учил Конфуций! Хотя и тут новые веяния – что ж, ничего не стоит перед убоим сказать эти овцам что-нибудь знаменательное, про освобождение Китая от иностранного ига! Ну а что все умерли, так военное счастье так переменчиво.

Тут фанза (лучший в деревне дом старосты, где расположился сам командующий) подпрыгнула, как при землетрясении. За окошком все залило ярким, почти дневным светом. А затем на голову Мо рухнули стены и потолок.

Генералу, однако, повезло не только не быть раздавленным, но и обойтись без особенных увечий. Верные гвардейцы вытащили своего господина из-под обломков. На севере, где также стояла часть его армии, что-то сильно горело. А вокруг все бежали с криками – те, кто мог бежать, а не полз и стонал или лежал недвижно.

– Русские сбросили на нас бомбу, как на Шанхай! – доложил Чен, старший из офицеров охраны. – Надо скорее спастись, мой господин!

Тут Мо ощутил, что живот готов его предать. Один из глупых, но могучих тигров обратил внимание на бедную обезьяну! Эти северные варвары совсем не понимают тонкой игры – все у них грубо и просто: враг? Убить! А если сейчас упадет вторая бомба, и третья? Нет позора в бегстве от разъяренного тигра!

– Мой автомобиль, скорее!

– Не заводится, повелитель!

Ничтожества! После всех казней! Великий Цинь Ши-хуанди как-то сказал, что мудрый правитель должен регулярно избавляться от всех приближенных – дабы те, кто станут вместо них, служили усерднее! Вместо джипа нашелся паланкин, помятый, но пригодный. Генерал был тучен, как положено высокородному – и шестеро гвардейцев несли его с трудом, пока десяток остальных расчищал дорогу прикладами и палками. А где прочая охрана – сбежали, трусы, бросив своего господина? Всех казнь!

На мосту был абсолютный, возмутительный беспорядок. Наверное, тысяч десять этих проклятых голодранцев, кто завтра должны были умереть в атаке, сейчас ломались на тот берег, спасая свои ничтожные жизни. Расступитесь перед своим повелителем, черви! А вы что стоите – стреляйте в тех, кто не проявляет почтения!

Орущий толстый генерал в шелковом халате, сидящий в носилках, на плечах солдат. Посреди обезумевшей толпы, ночью, на нешироком и непрочном мосту. И все это – в отвесах атомного пожара вдали.

Первыми не выдержали те, кто расчищал путь – смешались с толпой, думая лишь о своем спасении. Чен пропал куда-то еще раньше. Паланкин держали лишь четверо, где еще двое? Мерзавцы, всех казнь!

И полетели носилки в воду. Это не было даже умыслом или мстостью – толпа не думала сейчас даже о том. Упали в реку – прямо на головы тех, кого в давке спихнули с моста прежде. Кто умел плавать, тому повезло, ну а прочим совсем наоборот!

Генерал Мо плавать не умел. Для высокородного любое физическое занятие это умаление достоинства: имеющий власть должен повелевать другими! Поскольку, как сказал Конфуций, кто делает что-то сам, тот владеет лишь собой одним, кто указывает многим, тот владеет силой многих!

Вот только перед смертью – равны были и правитель, и самый последний раб. Хотя река была не глубока, не быстра и не слишком широка. И даже посредственный пловец преодолел бы ее без особого труда – особенно когда на кону стоит его жизнь.

Таков был конец жизненного пути генерала Мо, не самого лучшего, но и не самого худшего из правителей китайских провинций.

Куда делась казна Мо, навсегда осталось загадкой. Доллары, которые он успел получить – и ценности, бывшие там до того.

Точное число жертв этой бомбежки также не было установлено. От тридцати до ста тысяч. Хотя последняя цифра явно завышена – поскольку включает не только убитых, но и разбежавшихся из армии Мо.

Валентин Кунцевич, он же «Скунс», он же «Куницын» (в 2012 году старший лейтенант подводного спецназа СФ)

И пришел Свет. Ночь превратилась в день – но не было времени смотреть, удивляться и даже задумываться, если хочешь жить.

Спасли лишь рефлексы, а еще тень от башни КДП (контрольно-диспетчерского пункта). И то, что рядом была траншея, отрытая как раз на такой случай – благо привлеченной китайской рабсилы хватало. Валентин свалился туда, увлекая за собой Писателя – и некогда было жалеть тех, кто остался в КДП, им уже никак не поможешь, а сам погибнешь.

Затем пришел Звук – даже не сила звука, а звучание силы. Земля ходила волнами, и было страшно, что траншея сейчас схлопнется и превратится в могилу. Бесстрашных людей не бывает (если только психи или на наркоте – но такие и гибнут первыми, причем без пользы и славы), страх нужен как указатель – «где надо, пригнуться, где надо, ползти». Но для ударной волны атомного взрыва нет разницы, кто ты, подполковник спецназа с позывным «Скунс», дважды Герой с личным кладбищем в пару сотен, или свежепризванный китайский доброволец.

И ведь мы достали эту сволочь – локаторщики с «Березы» засечь его еще на подлете успели и истребителей подняли, и доклад пришел – перехвачен, атакован, горит и падает! Еще в первые сутки сюда эскадрилья «мигов» прибыла, но они мало того что ночью не видели ничего, так еще с нашей территории дотягивали на пределе, даже с подвесными баками, а если еще и бой на маршруте вести? Потому через два дня их заменили Як-25, всего четверка, мало пока этих дальних и ночных истребителей, но и у американцев в глубинном Китае реактивные пока не замечены вообще, ну а гоминьдановцы исключительно на «мустангах» и «тандерболтах» воюют. Суки заокеанские, то ли, даже погибая, успели бомбу сбросить, то ли она, уже поставленная на боевой взвод, рванула в падающем самолете, когда высотомер выставленный уровень показал. Сами сдохли – и нас решили утянуть за собой?

Нет, пронесло – мы живы. Взрыв килотонн в двадцать (было бы больше – мы бы сейчас с апостолом Петром беседовали). И кажется, все-таки воздушный – как тени падали. Значит, радиоактивной дряни прилетит меньше – хотя если высота малая и огненный шар коснулся все же земли? Проникающая радиация осталась – но по нормативу открытая траншея уменьшает дозу в полтора раза. А вот радиоактивная пыль, если не на одежде и коже, откуда ее можно смыть, а при вдыхании – это смерть. Так что быстро «намордники» нацепить, ватно-марлевые, что с первого дня здесь вместе с противогазом таскаем. И можно выглянуть, ситуацию оценить.

База горела. Вышка КДП просто исчезла – даже могилы не было у четверых русских парней, дежурной смены связистов (и мы с Писателем там бы остались, если б не вышли меньше чем за минуту до того). Падлы америкосские, все у вас не как у людей, на нашей базе штаб и центр связи был бы в бетоне и под землей, а у вас – домики дачной капитальности, даже не обвалованные, пуля из АК насквозь прошибает. Нам штурмовать это, неделю назад, было одно удовольствие, но сейчас – полный песец! Хорошо хоть местных китайцев с лопатами нагнали, успели траншей и котлованов для техники отрыть, а то ведь и этого не было, лишь колючка по периметру, вышки с пулеметами и пара жиденьких дзотов. И раз отбой тревоги дать не успели, а был условленный сигнал «воздушная тревога, атом, всем укрыться», красными ракетами в зенит, то не мы одни уцелели? Только бы не радиация, блин – не должно, дистанция была, по грубой оценке, километра три-четыре-пять, и вспоминается, что даже в Хиросиме на таком удалении были живые и здоровые. Или нет?

25 августа была Сиань. И наступление экспедиционного корпуса американцев. После чего советские танки двинулись за Хуанхэ, вдавливая в пыль гоминьдановскую сволочь (в этой истории мы в сорок пятом из Маньчжурии не ушли, не отдали ее Мао). И был уже наш удар по шанхайскому порту – теперь, значит, от пиндосов ответный ход? Что ж, это все же лучше – чем если бы по мирному городу. А мы живы вам назло – ну кто из служивших в армии РФ двадцать первого века мог бы сказать, что побывал под атомным ударом?! Это в веке двадцать первом ядерное оружие есть средство политическое, последний довод держав, – ну а тут, после недавней большой войны, оно воспринимается как просто Очень Большая Бомба, без особого пиетета. Может быть, оттого, что про «ядерную зиму» тут еще не слышали и «На последнем берегу» не смотрели?

А все же мы вас сделали – а нефиг было перебрасывать эскадрилью новейших В-47 на этот аэродром, еще советской постройки тридцатых. И угрожать нам атомными бомбежками по Сибири, Транссибу, Средней Азии – с направления, где у нас ПВО была куда слабее, чем в Европе. Победа в этой истории была в сорок четвертом, так что не случилось тут Арденн, не были вы знакомы с «Бранденбургом», да и Китай конца сороковых больше на нашу Гражданскую похож, чем на территорию под немецкой оккупацией, пространство большое, войск мало, ну что такое десяток американских дивизий на весь Китай, и то из них четыре в «котле» в Шэньси застряли, одна через Особый район пробивается с боем, одна в Шанхае погибла целиком, одна в Циндао капитулировала; у гоминьдановцев армия огромная, но вояки – полный отстой. Немецкого «орднунга» и близко нет – в каждой провинции свой батька-атаман, или по-китайски «генерал-правитель», своего же Чан Кайши слушают, лишь когда хотят. И воевать не умеют совсем – их тут японцы, будучи в соотношении один к двадцати, ссаными тряпками гоняли, как крыс. Нас пытались атаковать, ну смех один, бежит по чистому, насквозь простреливаемому полю толпа живых мишеней, как на убой. А нам после, когда ветер с той стороны, хоть в противогазе ходи. Мы даже кричали туда по-ихнему через матюгальник: убери трупы, мы по похоронщикам стрелять не будем. Услышали, выползли – и забрали все, что можно унести: винтовки, подсумки, даже лохмотья с тел снимали, голыми гнить оставили. Поскольку оружие и сапоги это вещи дорогие, ну а людишек в строй в любой деревне можно наловить.

Что есть очень гут – эпицентр от нас к востоку, а значит, осаждающему нас воинству «генерала» Мо должно достаться куда больше нашего. Уверен, они там ни укрытий не копали, не прятались по тревоге – вряд ли американцы своих шавок предупредили. Я бы на их месте атаковал немедленно, пока те, кто дозу схватил, еще боеспособны – наши бы просто озверели, когда терять уже абсолютно нечего, да и японцы бы вперед пошли, себя не жалея. Но у гоминьдановцев после ядерного удара спрашивать, как скоро их офицеры восстановят управление войсками – вы смеетесь? Те, кто жив остался и не был затоптан удирающей толпой – еще своих

подчиненных обгонят (а что еще ждать от тех, кто чин за деньги купил?). Так что несколько часов у нас есть.

Севернее поднималось яркое пламя – топливохранилище горит. Возле полосы горящие обломки аэрофлотовского транспортного «юнкера», прилетевшего накануне вечером (привез какие-то расходники для летунов, обратно должен был загрузиться трофеями). Юншен где? Если он, собака, умудрился погибнуть, я его на том свете достану! Когда ты больше всего нужен – нас тут было, после того как раненых при штурме домой самолетами отправили, двести семьдесят девять человек, в том числе пятьдесят два русских (и половина это тыловые, в обеспечение), а прочие китайцы. На кой черт я тебя из отделенных в комбаты произвел, из ефрейтора в капитаны – если уж в Москве решили, что американскую авиабазу громил «китайский партизанский отряд», ну а нас, советских, тут и близко не было, призраки мы, невидимки. Когда трофеи на Большую землю отгоняли, тут даже корреспондент «Правды» прилетал, фото делал, интервью у товарища Ли Юншена брал (которое сочинять мне пришлось), наверное, после этому кадру еще и идейную биографию придумают, пламенного идейного борца за коммунистическое дело. Хотя по жизни он успел и в нескольких бандах побывать, под знаменами разных «генералов», а нам попался прямо как рекрут в армию Фридриха Прусского – мне показался толковым, вот и вытянул счастливый билет. Будет теперь исторической личностью, если не убьют, или не переметнется.

Вообще, китайских товарищей коммунизму учить – как шимпанзе на мотоцикле ездить. Солдат, даже спецуру, из этих «сипаев» натаскать можно, хоть по принципу «делай как командир» – но как политработники ни старались просветить насчет учения Карла Маркса, которое всегда истинно, потому что верно, китайцы понимают как привычно им: сидит в Москве Красный Император Сталин, у него верная армия, чиновники и народ – и все, что от императора исходит, это высшая истина по определению, ну а кто посмеет усомниться, тому голову долой. Маркс писал об «азиатском способе производства» – а ведь могу теоретически представить Китай какой-нибудь ханьской династии, где правит император, назначает чиновников, земля вся государственная, аристократов и частной собственности нет: ну прямо социализм, а вот в Европе такое не смотрится совершенно. Вроде там чех Ян Жижка пытался ввести, что все общее, труд есть бесплатная и всеобщая обязанность – так его за такое свои в итоге и перебили?³ И даже наша военная традиция, в противоречие с китайской «достойный человек не станет солдатом», у наших «сипаев» находит самое простое объяснение – мы ведь северные варвары, как Чингисхан и прочие хунны-монголы, у которых как раз было, что война превыше всего и за каждого воина отвечает весь его десяток или сотня.

Писатель, ты как, цел? Тогда слушай боевой приказ. Вон, из соседней щели двое гавриков вылезли – скажи по-ихнему, чтоб живо сюда! Даже маски нацепили, молодцы – как рядовые исполнители, китайцы очень зер гут. Теперь – чтоб они пробежались вокруг и передали: от всех командиров подразделений сюда прислать делегатов, а кто подразделение потерял, тем самим здесь быть! Товарищу капитану Ли Юншену особенно – товарищ Куницын его тут ждет. Время пошло!

Порядок понемногу восстанавливался. Наши откуда-то появились, спецура – Мазур, Репей. Еще нескольких китайцев с тем же поручением отправили. Юншен наконец прибежал – рывкнуть на него, для порядка: ты где болтался так долго? Первым делом – о потерях в людях и технике доложить!

Русский характер, блин! С одной стороны, паники не было никакой – после такой войны, что всего шесть лет назад завершилась, даже на атомную бомбу смотришь философски, как на очень большой обстрел. И китайцы, глядя на Больших Советских Людей, вели себя так же. С другой же – ведь прошла команда «тревога, атом»! Но если китайцы реагировали абсо-

³ Кунцевич ошибается. Жижка успел умереть до того, как «таборитов» перебили «умеренные».

лютно правильно, «как учили» – в ближайший окоп залечь, на небо не смотреть, респираторы натянуть, то наши «ну еще немного, еще успеем», около самолета на полосе до последнего с грузом возились. В итоге – китайцев в строю осталось двести пять, раненых в различной степени четырнадцать, убитых всего восемь (кто укрыться не успел). А наших – в строю двадцать девять, считая с легкоранеными, тяжелых «трехсотых» восемь, погибло двадцать семь (считая экипаж прилетевшего транспортного «Юнкерса-290»). Расчет «Березы» погиб в полном составе – локаторщики до последнего оставались на боевом посту. Из истребителей, два «яка» сгорели на земле, из взлетевших приземлился лишь один, и тот разбился при посадке (экипаж жив). А вот техника в котлованах в большинстве исправна или с минимальными повреждениями – уже установили, на ходу все шесть установок РС, оба БТР с зенитками, трофейный танк и еще два полугусеничных БТР. По грузовикам и джипам надо смотреть, но автопарк на базе изначально был такой, словно американцы вообще пешком не ходили, за сотню единиц – включая тягачи, цистерны, санитарки, ремлетучки. Основное топливохранилище горит – но мы часть горючки в бочках и канистрах в ямах успели рассредоточить, так что заправлять есть чем. Так же и продукты – и еще из-под развалин раскопаем, что тушенке в банках сделается? Основная аппаратура связи погибла вся, но резерв остался (целых два «северка»). Уцелели и приборы у «химиков» (отделение химзащиты, они же по уставу за контроль радиации отвечают).

А взрыв маловысотный. И ветер с той стороны тянет. Срочно измерили – не то чтобы смерть, но для здоровья категорически не полезно, особенно если этой гадостью дышать! Вы пробовали в противогазе быть круглосуточно? И нет у нас больше ни локатора, ни истребителей – если завтра решат бросить еще. Или же, самое худшее – я бы на месте американского командующего непременно озабочился «группой зачистки». Поскольку даже ядерный удар, как и артподготовка, не дает гарантии уничтожения всех. И сидит уже где-то рядом отряд их командос, чтоб выживших добить. Как мы в сорок пятом, готовясь брать «водопроводчиков» Исии, специально сформировали целых два «десантных батальона химзащиты», а по существу, подразделения первого броска в очаг ядерного или химического поражения, специально на эту задачу оснащенных и обученных. Эти батальоны (уже не два, побольше) и сейчас у нас в строю – и нам известно, что и в Армии США что-то подобное есть (рейнджеры сухопутных войск). А значит, очень скоро, весьма вероятно, жди гостей по-настоящему опасных, а не вояк «генерала» Мо!

Первый этап операции прошел великолепно – при том, что весь План был импровизацией в чистом виде. Впрочем, самый блестящий успех приходит либо после скрупулезнейшей подготовки и абсолютного обеспечения силами и ресурсами, готовыми парировать любую угрозу, либо в результате наглейшего и стремительного кавалерийского наскока, когда враг просто не успевает опомниться и адекватно отреагировать. Известие о появлении В-47 на этой авиабазе, приближенной к границам СССР, вкупе с осознанием факта, что янки сошли с катушек и реально собираются применить ядерное оружие, возможно даже и по нам, при нежелательности нашего превентивного удара (тогда уж точно сорвемся в Третью мировую) – все навалилось за считанные недели, в отличие от штурма «водокачки 731», который готовили более чем за полгода. Но ведь именно на такой случай держали наготове нашу русско-китайскую команду – и план родился и был утвержден в рекордно короткие сроки. Первый этап, с захватом базы, был тщательно просчитан – с учетом того, что у амеров сейчас просто нет возможности надежно контролировать свой тыл, а также опыта рейдов наших партизанских соединений в сорок втором – сорок третьем, и действий передовых отрядов танковых армий в сорок четвертом. Сочли, что выполнение задачи-минимума, нанесение «неприемлемого ущерба» сооружениям базы и авиатехнике на ней, обеспечивается с вероятностью девяносто процентов. Полный захват базы со всем ее содержимым и при минимальных собственных потерях считался крайне маловероятным. Имея три сотни бойцов, причем в подавляющем большинстве китайских «сипаев», а

не бригаду спецназа, натасканную как раз на такие задачи – на текущий момент в Советской армии таких бригад восемь, из которых три в ГСВГ, по одной в Италии, на Балканах, в Иранском Курдистане и две в Союзе, в европейской части, отчего не выделили ни одной на ДВ? Была бригада спецназа ТОФ, но вопрос о привлечении ее даже не поднимался – «у моряков свои задачи», Японию, что ли, брать? А вышло – когда на базу вошла «американская» колонна (по всем законам войны нам светит расстрел, если в плен попадем), то дальше вышла резня: внезапная атака спецуры, работающей в высоком темпе и жестко настроенной убивать, это страшной атомного удара – от взрыва легче укрыться, чем от грамотной зачистки территории. Их втрое больше – так учтите преимущества работы слаженной командой, а у противника личный состав россыпью, не собран в подразделения, и тыловые это даже не пехота, ну и конечно, в небоевой обстановке по территории базы мало кто ходит при оружии, кроме пистолетов у офицеров. Добавьте еще внезапный удар реактивных минометов по казарме охранного подразделения (если не накрыло всех реально боеспособных, то оружейку у них разнесло и штаб) – после чего две сотни бойцов, обученных работать в команде и по секторам, крошат всех направо и налево. Выжили лишь те, кто сообразил не геройствовать, и кого мы сочли целесообразным взять в плен. Получив известие, на Большой земле не шелкали клювом – в рекордный срок, меньше чем за сутки, организовали перегон трофейных В-47 на нашу территорию. Уже ночью прилетели наши транспорты, привезли команду авиаинженеров, технарей и, главное, перегоночные экипажи из лучших пилотов, каких нашли на Дальнем Востоке – старшим был сам Петр Стефановский, летчик-испытатель, сейчас служил в генеральной инспекции ВВС, но и флотские летчики тоже были. Причем экипажам хоть выспаться дали, иначе за штурвал не сесть, ну а нам пришлось в темпе вальса московским товарищам фронт работ обеспечивать и пленных трясти. Отправили «жирных карпов», а вот после надо было отсюда валить, и как можно скорее. Но вмешались политика и хомячий инстинкт, черт бы его побрал!

Умным мужиком был Сунь Цзы, сказав, что когда политика лезет в военные дела – ничего хорошего не выходит. Вроде бы в Москве начались переговоры, амеры тоже не были готовы к Третьей мировой, особенно после Шанхая, пятьсот килотонн одним ударом, причем на носителе, принципиально не сбиваемом существующей ПВО – флотский «гранит», привет из двадцать первого века. И вот выйдем отсюда уже после, с развернутыми знаменами – а надо было различать войну и понты. Ну и – как выяснилось после, янки и на момент бомбежки считали, что все их «секретные» бомберы пока еще здесь, прозевали они улет трофеев, и спешно готовили свой удар, пока мы, в блаженном неведении, выгребали с базы все, что можно открутить, даже нелетные экземпляры бомбардировщиков разбирали по узлам и агрегатам, грузили оборудование из мастерских (умеют же американцы производственный процесс улучшить и облегчить). И вот, дождались! Теперь надо ноги уносить, пока целы.

Местных жалко. Тут рядом даже не деревня их была, поскольку хлебопашеством не занимались, а целый городок при базе, купи-продай-окажи услугу. Война им не война, уже их соотечественники, числом тысяч в сто, ну может, поменьше, «правительственные войска» генерала Мо нас обложили и обещают, если сами сдадимся, то совсем не больно убьют – а эти из городка шастают к нам как к себе домой. Запомнился дед колоритный, с тремя сыновьями – еще с американцами подрядился на чистку всех отхожих мест базы (ценное и дорогое удобрение для полей), причем, как рассказывали, после жестокой конкуренции и драки с другой семейкой, претендующей на то же самое; наши бы за такую работу взяли лишь за хорошую плату, или распоследние штрафники, и не иначе чем в противохимических резиновых костюмах – а эти просто раздеваются и лезут в яму голышом, с лопатами и корзинами. А когда потребовались землекопы, траншеи и котлованы рыть, за одну лишь кормежку (что не съедят, с собой дозволялось брать – с американского склада, не жалко), то вместо требуемой сотни набежало больше тысячи желающих. А нам головная боль, вдруг это переодетые солдаты генерала Мо, наваяются, нас массой задавят – мы пулеметы выставили, на всякий случай, и бдитительно смотрели. А они

лишь спрашивали, нет ли еще работы? Теперь нет ни городка, ни тех китайцев. Ничего, паллы пиндосские, мы вам и за это счет предъявим!

Так это уже что – Третья мировая или пока еще локальный конфликт? Судя по сводкам, до обмена ядерными ударами по территориям собственно СССР и США еще не дошло. Так и год пока пятидесятый, даже не шестьдесят второй, у самих америкосов с атомной дубинкой пока негусто. И СССР с соцлагерем здесь гораздо сильнее. Вот только если посчитать изменения в мировом масштабе – рассказывал как-то наш отец-Адмирал, в шутку или всерьез, как бы там наверху некая сущность, с крылышками или с рогами, баланс подводит, сколько душ прежде времени земную юдоль покинуло по нашей вине – с тех пор, как атомная подлодка СФ «Воронеж», выйдя в поход в 2012 году, неведомым способом оказалась в июле 1942-го! Имея на борту, помимо прочего положенного, шесть «гранитов» с боеголовками по пятьсот кило-тонн (одна как раз по Шанхайскому порту и прилетела) и нашу группу подводного спецназа СФ, девять нас было, осталось семь, Андрюха Каменцев на Одере погиб в сорок четвертом, а второй Андрей через год, в Маньчжурии, когда «водопроводчиков» брали. И я, Валентин Кунцевич, здесь не родился еще – а впрочем, пусть фантасты сочиняют про растоптанных бабочек и парадоксы! Параллельный это мир или перпендикулярный – теперь это наш мир, в котором жить и за который мы будем драться. Чтоб не мы, а те, по ту сторону мушки, за свое Отечество сдохли. Мы же еще на торжестве Победы попляшем. Нечего нам тут больше делать – идем на прорыв. Благо план есть, мероприятия проведены, кое-какие запасы уже упакованы, а прочие – в темпе в машины перекидать!

– Леший (это Мазур), возьми взвод китайцев и выдвигайся вдоль дороги. Пока там все разбежались, но опомнятся и могут путь оседлать, придется тогда прорываться с боем и потерями. Ну а мы за тобой. Возьми рацию и держи связь с Кузьмичом, чтоб он тебя огнем под-держал – если обнаружишь американцев.

– Кузьмич – грузись и выдвигай свою артиллерию. И ты понял – с «Лешим» на связи, будь готов помочь.

– Остальным – быстро провести инвентаризацию техники и запасов. И грузить в темпе – время пошло!

Еще, вместе с особистом, составить акт об уничтожении «Березы». Что от секретной техники осталось – подорвать (благо есть чем – авиабомбы на складе остались). Чтоб не было вопросов, что что-то досталось врагу – не простят!

А что с пленными делать? Которых, даже после отправки самых ценных на Большую землю, осталось еще голов двести? Ангар, где их держали, разворотило, и кого-то прибило, но многие живые, есть даже не пострадавшие совсем... и медпомощи требуют, суки! Помощи, вам?!

– Товарищ Ли Юншен, приказываю выделить расстрельную команду – думаю, взвода хватит. И чтоб выживших не было – после проверить штыками!

Особист, майор Бородай, рожу скривил. И пробурчал что-то про устав. Это бандитов, взятых с поличным, законом положено к высшей мере после первичного допроса – в Киеве в сорок четвертом было так! А тут военнослужащие США, находящиеся при исполнении своих обязанностей, в соответствующей форме со знаками различия и личными документами. И вообще, для СССР могут быть политические последствия не те!

– Отчего вы смеетесь, товарищ подполковник?

– Да так, мысль хорошая в голову пришла. Это вы правильно заметили, товарищ майор госбезопасности, с политической точки зрения лучше будет, если янки сгорели от своей же бомбы. А тут следы от пуль, штыков – нехорошо! Тут огнеметы бы – но нету. Так что, Репей, тебе задача – все подорвать, чтоб в фарш. И еще бензинчиком, для правдоподобия. И чтоб поменьше народа о том знало. Чего вылупились – исполнять! Время пошло!

Особист и прочие присутствующие (не китайцы – для них такое зверство и не зверство вообще) решили, наверное, что их командир это больной на голову, одержимый жаждой убийства. Встречались среди наших и такие в прошедшую войну – у кого немцы родных поубивали. А что «Скунс», он же «подполковник Куницын», американцев ненавидит больше, чем даже фрицев, это все знали уже давно.

И ведь не объяснишь же, что показалось смешным? Как уроженец этого времени, офицер НКВД, сталинский палач – и упрекает человека демократического двадцать первого века в негуманности и несоблюдении закона?

Ну простите, пиндосы, так уж вам карта легла! За наш девяносто первый – который, я надеюсь, тут не случится. И за наших ребят – тех, кто при штурме погиб, в родную землю отправили лечь, когда трофеи вывозили, а кто сегодня, тут похоронить пришлось! И могилу с землей сравнять, чтоб не осквернили (поверху еще гусеницами проехать и соляжкой полить, так ни одна собака не найдет). Ничего – вернемся еще мы сюда и памятник вам поставим!

Колонна выступила с базы через четыре с половиной часа – один легкий танк, четыре БТРа, шесть реактивных установок, три автоцистерны-заправщика, ремонтная летучка-мех-мастерская в фургоне, санитарка и двадцать девять грузовиков и джипов, две зенитки на прицепе. Не прошло и получаса, как в штабную машину запрыгнул Репей, он же старлей Репьин.

– Командир, беда! У нас один из китаез пропал.

– Отстал, заблудился? Один из тех, кто американцев исполнял?! А ты куда смотрел – я ж сказал, чтоб лишних глаз поменьше!

– Командир, ну сколько нас было? А работы выше крыши, надо было по всей базе все ненужное подорвать и ловушки поставить, и так, чтобы наши не подорвались уходя! И янки в ангаре бузили, наружу рвались, разбежаться могли! Юншен дал в помощь взвод, два десятка, ну не справились бы мы иначе! Сначала гранатами зашвыряли, затем штыками проверили, ну и напоследок бочку бензина внутрь и тысячефунтовую авиабомбу, почти пятьсот кило, измучились, пока затолкали! Уже когда отъехали, мне сержант-взводный докладывает, что у него одного бойца не хватает. Я на него ору, ты чего сразу не заметил, а остальные куда смотрели – а он оправдывается: думали, что в другую машину сел.

Мать-перемать! Гладко было на бумаге – мы уходим, позади что-то взрывается, Репей нас догоняет, и все путем! Это я, кретин, должен был прикинуть – что ему с восемью человеками всего, кто у нас минно-взрывному делу обучен, ну никак не управиться со всем, что навалилось! Ну а для него ясно, приказ надо выполнять, значит, запрячь китайцев, и для погрузки, и для грязной работы. Сержанту из желтых вообще не завидую, как крайнему – если отделается всего лишь разжалованием в рядовые, то ему крупно повезет! А нам что теперь делать – назад уже не повернешь, время уходит!

– Что хоть про пропавшего известно, в плане морали и убеждений, прочих допросили?

– Командир, так ничем он не выделялся, обычный китаеза! Воинскому делу учился старательно, всяких разговоров не вел. Вспомнили, что он вроде родом из этих мест или откуда-то рядом, так что мог и без измены, а просто до хаты. А может даже, по дури замешкался и внутри остался, когда мы рванули. Ночь же, темно, беготня, а я по-ихнему ни хрена не понимаю. Могло и такое быть.

Мать-перемать, хорошо бы, если такое! И ведь Репея жалко – он «местный», в смысле из этого времени, но в нашей команде с сорок второго, еще когда через Неву плыли, на ГРЭС. И до самого конца войну прошел, и на острове Санто-Стефания был, когда папу римского из немецкой тюрьмы вытаскивали, и в команде охотников на фюрера тоже, и «водопроводчиков» отряда 731 с ним брали в Харбине, год сорок пятый! Я уж хотел ходатайствовать, чтоб ему звание повысили, с таким боевым путем и заслугами в старлеях несолидно, хотя в сорок втором он вообще ефрейтором был... а теперь не знаю, когда ты капитанские погоны наденешь!

И ничего уже не сделать. Только – скорее вперед. К своим, на север, домой.

Китайцы отходу не препятствовали, как и следовало ожидать. Присоединив дозор Лешего, колонна быстро двигалась на восток. К югу от базы осталась излучина реки, на западе виднелся Тибет (по которым Мао когда-то свое войско Великим походом водил), к северу должны быть горы Циньлин, пониже, но с техникой не пройти. А здесь, в долине, были рисовые поля – самая урожайная культура, только этим и еще природным китайским трудолюбием можно объяснить, что население здесь еще не вымерло с голода, после сорока лет «эти придут, грабят, те придут, грабят, и куда крестьянину податься?». На поле были заметны согнутые фигуры – война войной, а кушать надо, даже на колонну нашу не смотрят, как в перпендикулярных мирах живем!

Мимо деревень проскакивали на скорости. По виду как американцы, кто еще тут на машинах может ездить? У местных «генералов» есть что-то вроде своей «гвардии», вполне приличного вида, обмундирована, и даже на технике – как правило, сама не воюет, слишком ценный материал, а как охрана правителя и «заградотряд», чтоб мобилизованное воинство не разбежалось. Но численность ее невелика – пленные говорили, что у генерала Мо, который нас осаждал, было под тысячу таких бойцов, все в штатовской форме, с автоматами «томпсон», даже два танка «шерман» и полдюжины БТР и броневиков имелись, и три десятка автомашин – то есть вся эта сила нам вполне по зубам. И сколько той «гвардии» под атомным ударом сгорело?

Но вот городок на пути. Или большая деревня – нет, будем считать, что город, если хоть один-два нормальных дома есть. Понятно, отчего в древнекитайской традиции крестьянин стоит выше горожанина (в отличие от нас и Европы). Потому что окопались тут в большинстве не честные земледельцы, а всякие паразиты: перекупщики, бюрократы, стража – которые сами закрома не наполняют, а к труженикам присасываются, учиняя беззаконие и разбой, отчего мудрый правитель должен эти сорняки время от времени пропалывать (изречения не Карла Маркса, а какого-то древнекитайского мудреца).

Ну, сейчас мы гоминьдановской сволочи еще ежа в штаны подпустим, чтобы, когда мы уйдем, ей долго еще икалось. Совместив приятное с полезным – нам ведь не помешает короткий отдых, осмотр и обслуживание техники, ну и сеанс связи с Центром. Бензин тут вряд ли удастся достать – а вот провизия лишней не будет. Зачем у населения отбирать – тут должны быть запасы, принадлежащие власти, то есть «генералу», тому самому Мо, который нас осаждал. А как провести реквизицию максимально эффективным путем? Ты не понял, товарищ капитан Ли Юншен? А зря – тебе же придется перед народом речь толкать.

Сейчас будем советскую власть устанавливать в отдельно взятом городе и уезде. Видел же, как это на севере делалось, когда наши наступали? А после дальше пойдем – зачем нам тут оставаться, ты что? Лишь к стенке поставим кого надо, реквизируем то, что нам надо, ну и не помешает совет-комбед учредить и оружие из местной полиции раздать, чтоб дольше не затухало.

Да не бойсь – я тебе речь напишу, политически правильную. А Писатель переведет на китайский, если будет что-то непонятно. Товарищ Стругацкий, вы свою задачу поняли – текст я вам через десять минут набросаю.

Аркадий Стругацкий (переводчик и историограф батальона СпН «Зеленый Дракон»)

Я видел ад. В котором живут люди – а не приговоренные к вечным мукам грешники. Ад, именуемый Средним Китаем.

В Маньчжурии сейчас, как у нас в конце двадцатых, самое начало пятилеток – строятся промышленные гиганты, крестьяне объединяются в кооперативы, и машинно-тракторные станции уже не редкость, и школы, и больницы – под мудрым руководством ВКП(б) и товарища Сталина. Знаю, что в южном, Приморском Китае, жизнь похожа на нашу белогвардейщину,

или что было при царе Николашке. Про Особый район Мао рассказывают всякие вещи. Ну а глубинный, Средний Китай, глухая и бедная провинция, даже по китайским меркам – это ад.

Ужасная нищета – наш дореволюционный бедняк тут сошел бы за зажиточного хозяина! Ветхие домишки, похожие на конуры, или землянки, как норы. Крохотные земельные наделы, на которых трудятся от зари до зари – и то постоянно живут впроголодь. Спят нагишом под вшивым тряпьем на земляном полу. Дети повально страдают рахитом. Говорят, что есть целые деревни больных сифилисом, проказой, трахомой – при полном отсутствии санитарии и медицины. Один лишь раз я видел китайского врача – это был важный господин, и видом своим не допускающий, что снизойдет до тех, кто не может ему щедро заплатить. Для бедняков – лишь знахари, торгующие амулетами для излечения и изгнания бесов.

У нас на освобожденных от немцев территориях тоже было несладко. Но наши советские люди знали, что советская власть, партия и сам товарищ Сталин их не бросят. И работали дружно, все вместе, восстанавливая разрушенное и не сомневаясь, что скоро заживут еще лучше, чем до войны. Здесь же, в Китае – имеющие власть и богатство лишь сокрушаются, что из нищих нельзя выжать себе что-то еще. А кто помрет, не жалко – жизнь человека здесь стоит меньше, чем один патрон.

Чтобы забыться, все курят опиум – включая женщин и детей. За порцию отравы отдают последнее – то, что осталось после уплаты всех налогов и поборов: помещику, местному чиновнику, центральному правительству, настоятелю соседнего храма, командиру проходящей воинской части. Тех, кто не может заплатить, выгоняют из лачуг, сгоняют с земли – помирай или иди прочь, куда тебе угодно.

Легче тем, у кого есть тягловая сила – буйвол: на нем пашут, ездят верхом, возят груз. Или мироедствуют – я вспашу тебе поле за половину твоего урожая. Но, как правило, буйволы есть у помещика – иногда даже целое стадо, сдаваемое внаем! – еще у старосты, у немногих наиболее зажиточных, а прочим же лишь руки да мотыга. Ради рабочих рук заключаются неравные браки – видел однажды восьмилетнего жениха и двадцатилетнюю невесту. И у тех, кто родится, до самой смерти – здесь очень ранней, в сорок лет уже старик – лишь безрадостный изнурительный труд.

И когда я вслух произнес: «А каков же после должен быть китайский рай?» – товарищ Куницын усмехнулся и ответил, абсолютно серьезно:

– Рай в понимании местных? Наверное, когда вооруженный человек не может тебя убить просто потому, что ему захотелось.

Кто ты, подполковник Куницын – герой, или на всю голову контуженный, или просто циничная сволочь?

Для меня когда-то идеалом был красноармеец Гусев из «Аэлиты», который готов был жизнь отдать, лишь бы угнетенным свободу принести, даже на другой планете. С тех пор мы сорок первый помним, как на нас немецкие «камрады» шли, но выходит, что если мы в результате о своих идеалах забыли, значит, фашизм в чем-то малом нас победил? Если вместо «гусевых» у нас теперь «куницыны» считаются героями?

Это ведь чисто фашистское – свои это товарищи, для них все, а прочие – унтерменши, и жизнь их дешевле пыли под ногами? Однако же Гитлер «своих» по высшей расе определял, принадлежность к которой не изменишь. Ну а ты – сначала я думал, для тебя есть свои, кто с нами в одном строю, и есть враги, кого надлежит истреблять. Причем в последних ты оптом всю американскую нацию вписал, как бесноватый евреев, вот интересно, за что ты так американцев ненавидишь – приходилось мне в войну такую ненависть видеть к фрицам у наших людей, у кого «сожгли родную хату, убили всю его семью», – ну а что тебе американцы сделали, раз ты однажды не стеснясь сказал, что «хороший янки – мертвый янки»? Личное что-то, как в рассказе Леонида Соболева парнишка-краснофлотец англичан готов был зубами грызть за расстрелянных родителей? А еще спекулянты – что ты на рынке устроил в том городке, ну

прямо как продотрядовец восемнадцатого года, «кровососам – расстрел на месте»! Однако помню, как ты в какой-то деревне свой паек китайской семье отдал, девять детей там было – а сам после смеялся: «И чем я сегодня обедать буду, ладно, поститься полезно иногда». Значит, осталось в тебе еще что-то здоровое, советское, наше?

А когда мы в осаде сидели, и толпа китайцев бежала на наши пулеметы по ровному полю, и ясно было, что не добегут, лягут все – Куницын ухмыльнулся и сказал:

– Безумству храбрых – венок со скидкой! Куда торопитесь, дураки?

Так веришь ли ты в коммунизм? Классиков цитируешь, «от зубов отскакивает». Как говорил ты, оглядывая китайский городок, первый на нашем пути:

– Ну что, в темпе берем вокзалы, мосты, почту, телеграф, что там еще по Ильичу? За отсутствием такового в этом городишке – старосту или бургомистра, как тут администрация называется, связь, если тут телефон есть, и вооруженную силу, то есть казармы гарнизона и полицию. Отделение на броне и с пулеметом на въезде, никого не выпускать, отделение на выезде, с той же задачей, через город на скорости проскочить и позицию занять. Товарищ капитан (Ли Юншену), это я вам говорю – мне, что ли, за вас батальоном командовать? Поставьте задачу подразделениям! И держи – я тут твою речь перед народом набросал, ты ведь по-русски уже читать умеешь? Если нет, то Писатель тебе в помощь, переведет!

Писатель – это я. Раньше у меня был позывной «Брат», так же как у самого подполковника «Скунс» – но отчего-то не прижилось. Я еще тогда спросил, не поняв, я же к литературе никакого отношения не имею – Куницын ответил:

– А чтоб никто не догадался! И ты же китаевед? А у них «литература» это вообще все, что написано! И вообще, это мне до пенсии или увечья служить, а ты скоро снимешь погоны – и кем хочешь быть на гражданке?

А я не задумывался! Но предлагали мне уже – специалистом по Японии и Китаю, на восточный факультет МГУ. Скунс лишь хмыкнул и ответил:

– Ну, смотри, но если когда-нибудь книжку напишешь, то не забудь, кто тебя первым «писателем» назвал. Вот кажется мне – у тебя бы получилось. Так что гляди в оба, запоминай и копи материал, как тебе еще Адмирал наш советовал в сорок пятом.

И добавил, чуть помолчав:

– А главное, постарайся, чтоб тебя не убили. Не геройствуй особенно – на то такие, как я, есть. Кого Отечеству не жалко.

Рисуется, как Печорин? Хотя у меня ощущение, что он со мной не по субординации – потому что с чего-то видит во мне будущего летописца, только каких событий? И Адмирал тоже ведь намеренно меня «свидетелем истории» делал! Здесь я – и старший переводчик, и батальонный летописец, и что-то вроде адъютанта, Куницын меня постоянно с собой таскает, «ходи и смотри». Я и смотрю, и не только по сторонам, уж больно личность товарища Скунса мне интересна. Однажды, когда у нас в очередной раз беседа о литературе зашла, я спросил: «Товарищ подполковник, а кто из литературных героев вам близок?» Так он ответил, лишь мгновение подумав:

– Из современных? Пожалуй, Волк Ларсен, у Джека Лондона.

Тот самый? Сволочь, сверхчеловек, фашист мелкого масштаба! «Белокурая бестия», которая право имеет – а ведь если бы родился Куницын не в СССР, а в Германии, такой бы вышел вражина! Интересно, когда добро привлекает на свою защиту всяких там... остается ли оно добром? Если бы я спросил о том Куницына – ответ уже известен: «Отбросов нет, есть кадры». А сам ты, за нас, на нашей стороне – но коммунист ли ты сам? Вот сейчас я сижу и перевожу для Ли Юншена, что ты написал – слова высокие и правильные. Помня, как ты усмехался – «идея, брошенная в массы, это девка, брошенная в полк». Ты умеешь сражаться за советскую власть и товарища Сталина – не дают ведь просто так две Звезды Героя, слышал я, что ты среди тех был, кто самого Гитлера живым приволок, хотя их фюрера, наверное, целая

дивизия СС охраняла. И в то же время любишь повторять, что «умирать за свое Отечество и идеалы должны те, по ту сторону мушки» – похвально, но не скрываешь ли ты за этим, что свою собственную жизнь ты ценишь больше?

Каким бы мог стать Мечик из фадеевского «Разгрома» – заматеревший, натренированный, ставший мастером войны, но по морали оставшийся прежним? В твоём любимом «Морском волке» – что интеллигент Хэмп говорил капитану Ларсену про храбрость?

Выходит, что у подвига есть два измерения? Не только результат – но и какой ценой за него было заплачено, с твоей стороны. Совершил ли ты это, себя преодолевая и понимая, что могут убить – или сделал походя, «одной левой», показывая свое мастерство, но не отвагу? Но тогда получается, что «дух важнее техники», как у самураев, укладывающих людей в «банзай-атаках» без всякого результата – и в итоге проигравших войну?

Я не находил ответа. Но знал, что не забуду и не успокоюсь, пока не сумею понять. А пока лишь наблюдал за происходящим. Если хотят, чтобы я был свидетелем – что ж...

Внешне было, как в фильме про революцию – красный флаг (где-то уже ткань нашли), толпа и вождь Ли Юншен на танке. Вот только солдаты его выбивались из картины «народного энтузиазма» – площадь оцепили, зорко смотрели, чтоб никто ничего не выкинул, а тем более не убежал. Юншен на танк влез, Куницын и я тут же стояли, внизу. Очередь вверх – чтоб все замолкли и прониклись. И речь – слова были про китайскую народную революцию и самый справедливый строй коммунизм, где будет высшая гармония (витиеватые китайские обороты), кто был ничем, то есть самые бедные и угнетенные, тот станет всем и заживет, как мандарин. И что виноваты в этом богатые, которых надо экспроприировать, а попросту – ограбить. И никто не имеет права у вас ваше отнять... просто потому, что оно – ваше, и вы можете убить любого, кто посягнет. Как этих вот мерзавцев, воров, во всем виноватых – жест в сторону группы людей в углу площади, уже под конвоем – местный помещик, чиновники, богатейшие жители, «и те, кто за Чан Кайши».

– Паразиты – вне закона! Их имущество будет разделено между теми, кто их убьет.

И расступился конвой. Колыхнулась толпа. Раздался какой-то звериный вой. А тех – через минуту уже не стало.

– Ну, завертелось колесо, – сказал Куницын. – И нам пора, зачем пришли? Склады заняли уже – мы первыми грузимся, а что не влезет, то пусть народ разбирает.

Были и еще городки и деревни. И везде одно и то же – захват учреждений власти (дома помещика, старосты, а также полицейского участка и казармы солдат, если таковые есть), короткая речь перед согнанным народом, учреждение из беднейших (как самых угнетенных) «комитета защиты революции» и «отряда защиты революции» (которому раздавали трофейное оружие) и – обязательно – расправа с «врагами трудового китайского народа» (каковые находились всегда: даже в самой бедной деревне был хотя бы лавочник – ростовщик и спекулянт. И староста-кровапийца, а уж про полицейского начальника и так ясно все). Причем казнь всегда была – руками местных, не наших.

– Писатель, ну ты что, не знаешь, что такое «кровью повязать»? Вот мы всякие хорошие слова сказали и ушли, эти покричали с нами: «Рюси, Китай, дружба, пхай-пхай», тьфу ты, «за вождя Гао Гана и коммунизм», и разошлись по домам, и всё? А вот если на них уже кровь будет – тогда просто так разойтись не выйдет, жди продолжения банкета! Ну а мы в это время будем уже далеко.

Так это же... Я слышал, что и на каторге при царе, и в лагерях сейчас так бывало – главари, задумав побег, подбивали толпу на бунт, а сами в суете, незаметно в сторону, далеко и быстро. И мы, выходит, так же? Какой, к чертям, коммунизм? Который мы мечтали нести угнетенным нациям – как герои Алексея Толстого марсианам?

– Ну и кому ты хочешь свет коммунизма нести – сапоги мои не смеши! Этим до коммунизма – как раком до Луны. Видел, что они со своими же творили, которых во «враги»? И не

только с ними самими – с их бабами, детьми? И это еще цветочки – ягодки начнутся, когда мы уйдем! Будут ведь между собой разбираться, кому при дележе экспроприированного досталось на одни штаны больше, кого в следующие «враги»?

– Так ты все предвидел, знал, командир?! Что будет такое?

– А ты думал, бунт угнетенного крестьянства против помещиков-эксплуататоров выглядит иначе? Разин с Пугачевым, они «прогрессивные» или нет? Или же, как и в Европе бывало, когда «сто тысяч живых скелетов осадили замок какого-нибудь барона де Пупса и взяли его», и как думаешь, что они после сделали не только с самим угнетателем-бароном, но и с его домочадцами, семьей? Да и с прислугой из своих же – не зная никаких общих классовых интересов, а просто завидуя, что эти в барских покоях, а мы в навозе? Мне вот довелось книжонку одну прочесть, эмигрантское издание двадцать восьмого года, Первухин, «Пугачев-победитель», что было бы, если – на ночь читать не советую! У нас в семнадцатом уже были Ленин, партия и сознательный пролетариат. А Китай отстал лет на двести – нет тут ничего такого, и за год не родишь!

– И мы ничего не будем делать? Лишь смотреть?

– А отчего бы и нет, товарищ писатель? Подумай лучше, какая у тебя уникальная возможность – видеть все со стороны, будучи неприкосновенной фигурой в центре событий? И на холодную голову собирать опыт – что, как, почему и что сделать, чтоб у нас такого не было? На чужих бедах ведь лучше учиться, чем на своих?

Так кто же ты, подполковник Куницын – Волк Ларсен на службе СССР? И ведь один я это вижу – для прочих же рейд в тылу врага, где командир царь и бог, а неповиновение ему это вплоть до расстрела на месте, причем ни одна инстанция после не возразит! Из наших осназ на «дважды Героя, который Гитлера брал» с восторгом смотрит, ну а авиатехнари вообще прикомандированные, им без разницы, лишь бы кто вывел к своим. Особист Бородай, к которому я однажды подошел со своими сомнениями, ответил:

– Товарищ старший лейтенант, вы считаете товарища Куницына врагом или предателем? Нет – тогда простите, это не ко мне, а к попу, который нам по штату не положен! Сейчас не тридцать седьмой год, и по нашему ведомству установка четкая: если товарищ делом свою преданность советской власти доказал, очень серьезные и предельно конкретные доказательства нужны, чтобы что-то против него возбудить. Если у вас таких нет – то считайте, что вы мне ничего не говорили, а я не слышал.

Ну а «наших» китайцев и спрашивать бесполезно. Поскольку у них, в общем-то народа неглупого, иметь собственное мнение в присутствии вышестоящих – традицией запрещено. Как Ли Юншен, даже речь свою толкая, все время на Куницына оглядывался, а несколько раз даже его кивка ждал – все ли правильно говорю? И это тот из местных, кого мы сочли наиболее смышленным! Но и для него все просто и ясно: командир – это голос и рука самого Красного Императора Сталина, и за неподчинение – смерть, – а так как назад в босяки (это в лучшем случае, если живым) Юншену очень не хочется, то абсолютно любой приказ Куницына он выполнит не задумываясь – расстрелять или хоть живьем закопать все население этой деревни, будет исполнено, тащ командир! И чем же тогда мы от немецких карателей отличаемся? А солдаты тем более колебаться не станут – оказывается, южане для них никакие не «свои», тут даже язык отличается, даже мне иногда приходится не словами, а иероглифами изъясняться, чтобы понять диалект.

Еще запомнилось, как в одном городишке председателя «революционного комитета» выбирали. Когда «беднейшие и угнетенные» стали друг другу морды бить, разбираясь, кому в главы. А городок этот был уже не просто кучей хижин, тут и какие-то мастерские, даже заводы наличествовали – гончарный, ткацкий. Куницын и сказал, когда буянов успокоили умеренной силой (выбитые зубы не в счет):

– Так, может, хватит голодрань выбирать, поступим, как в Маньчжурии в сорок пятом. Где, при отсутствии коммунистов, мэром назначали владельца самого успешного предприятия. А кто тут у нас самый успешный?

Оказалось – хозяин местного публичного дома! Поскольку городских путиловых и рябушинских успели прибить, вместе с семьями, даже дома их уже разграбили. Городок небольшой, так что доставили этого типа быстро, он сразу ниц упал и стал умолять подарить ему легкую смерть, «а не так, как почтенному Чжэну», это здешний хлеботорговец. Услышав же, что его хотят сделать главой, сразу воспрял и произнес витиеватую речь во славу великих Трех Императоров – Сталина, Гао Гана и Пу И. Говорил он не на местном, а на «мандаринском» наречии, чем меня заинтересовал – оказалось, он какую-то школу успел окончить, то есть по местной мерке, человек образованный.

– Ты, главное, порядок блюди! – сказал Куницын. – Чтоб промышленность здесь работала, на благо революции. И никаких чанкайшистских мятежей!

А этот склонился и изрек:

– Великий Конфуций учил почитать порядок. Для чего нужны три вещи: слепая вера в непогрешимость законов, беспрекословное оным повиновение, а также неусыпное наблюдение каждого за всеми. А пуще всего надо грамоту извести, от нее все беды. Грамотным надлежит быть лишь тем, кому дозволено и нужно – для прочих же чтение есть опасность погрязть в сомнении и смуте. Мне будет дозволено представить достойным господам список тех, кого следует убить – или я буду вправе сделать это по собственному разумению?

И тут я, Аркадий Стругацкий, повидавший за время войны всякое (одна Блокада чего стоит), но не убивший пока ни одного человека, страстно захотел, чтобы эта тварь перестала быть. Он со всеми начнет – грамотный? На плаху! Во имя серости и бескультурия. Когда даже в Ленинграде, той самой страшной блокадной зимой, все же оставались работающие театры, школы, библиотеки. Что еще отличает человека от скота?

Я сказал о том Куницыну, тот отшутился. Но я успел поймать его взгляд на китайца – как на пустое место. Когда собравшиеся народные представители новое начальство единогласно утвердили и после приступили к обеду с пьянкой – мы ели мало и не пили вина совсем («Ни капли, пока к своим не выйдем – или хотите, чтоб вас сонными повязали?») – и выполз ново-явленный «начальник» по нужде во двор, шумя, ругаясь, рыгая и оттаптывая ноги. Тут я заметил, что Куницына рядом нет. Он появился буквально через минуту и спокойно стал допивать чай, лишь произнес, усмехнувшись:

– Потренировался немного. Форму еще не потерял.

А после нашли «председателя» в нужнике, крови не было, упал и шею сломал, да еще мордой в яму. И во дворе ведь люди были, и не только солдаты Юншена, местные тоже, но никто ничего не видел и не слышал.

– Много пить вредно, – сказал Куницын, – вот, поскользнулся, упал... и гипса не надо.

Контуженый, не иначе. Для которого убить, что чихнуть. И стойкое ощущение, что «не совсем наш», не отсюда. Как будто в другом измерении существует, в сравнении со всеми нами.

Но как вернемся, я обязательно напишу! Рапорт куда следует – по долгу советского человека. Или роман – если и впрямь когда-нибудь литературой займусь?

Так и вижу сцену, как он идет по чужому городу – а позади мертвые тела.

Москва.

Вечер 14 сентября 1950 года

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов

Великий, могучий Советский Союз!

Голос московского радио, с января сорок четвертого. Первый вариант: со словами «нас вырастил Сталин, на верность народу». В иной истории их уберут в пятьдесят шестом, придумав замену лишь в семидесятом, так что «песня без слов» на официальных торжествах – это отнюдь не изобретение Ельцина⁴. Без десяти двенадцать, перед гимном, была сводка новостей. С внутреннего фронта – принята вторая очередь Минского автомобильного завода. Вручение наград отличившимся на строительстве Волго-Донского канала, 12 человек – Герои Соцтруда, 125 – орден Ленина, 681 – Трудовое Красное Знамя, 1064 – «Знак Почета». И 26 тысяч – к досрочному освобождению⁵. И еще сообщения – восстановление городов, пуск новых заводов, совхозы и колхозы успешно сдают зерно в закрома Родины. И лишь после говорилось о международных событиях. Что это – абсолютная уверенность в своих силах или страх перед очевидным?

Когда мир стоит на пороге Третьей мировой войны. Кроме сотни тысяч китайцев (число жертв еще уточняется), в Сиани погибла советская миссия – и никто не ожидал, что Сталин настолько всерьез отнесется к своим словам, сказанным еще в сорок третьем: «Крови своих граждан СССР не прощает никому». Советские танки двинулись из Маньчжурии на китайские равнины, и Северная армия Чан Кайши просто рассыпалась, разбежалась, исчезла неведомо куда. Долина реки Хуанхэ стала могилой для сотен американских самолетов, сбитых реактивными «мигами» (наличие которых у Советов также было полной неожиданностью). А на угрозы генерала Макартура последовал ядерный удар по порту Нью-Шанхай, где разгружалась свежеприбывшая дивизия Армии США, и число жертв превысило тридцать тысяч, в ответ за всего лишь полсотни русских в Сиани!

В Перл-Харборе погибло две тысячи триста американцев – и это стало поводом для войны и смертным приговором для Японии. Америка была единой в гневе и решимости – когда против была Япония, по военно-промышленной мощи уступающая даже Италии и стоящая на уровне Голландии или Бельгии. Сейчас врагом был СССР, вместе с захваченными им коммунистической Германией и народной Италией (и всякой мелочью, вроде Польши и Венгрии, в качестве довеска). Первые же битвы Китайского инцидента показали, что американского воздушного блицкрига не будет (а о наземном сами генералы Армии США и не мечтали!). И если война с япошками длилась четыре года и потребовала на завершающем этапе помощи Советов, то сколько лет уйдет на войну с СССР при существующем раскладе? Когда аксиомой англосаксонского военного планирования было, что война должна быть прежде всего выгодной! Компенсировать издержки полученной в итоге добычей, а опыт, что этой Великой войны, что предшествующей, показал, насколько легко здесь ошибиться в планах, судьба Британской империи, безусловно Первой державы на 1914 год, тому пример!

Так что Америка тоже не собиралась прощать ничего и никому. Но ведь месть – это блюдо, подаваемое холодным? Чтоб подготовиться лучше и тщательнее – и в режиме мирного времени, а не под русскими бомбами. Которые оказались пренеприятнейшим сюрпризом: пятьсот килотонн в одном ударе – это пока что-то запредельное, свои умники клянутся, что сделать урановый заряд такой мощности в принципе невозможно, ну а «водородная» бомба – это пока лишь перспективный проект! И это очень опрометчиво, выходить с кольцом на бой с тем, у кого пулемет, разве не так? Разумнее взять тайм-аут, чтобы перевооружиться. Особенно

⁴ «Патриотическая песня» Глинки, формально считавшаяся гимном РФ в девяностые, трудна для исполнения непрофессионалами, оттого бывали и случаи, наподобие известного автору, когда на построении в начале 90-х пьяные матросики пели «Однажды в студеную зимнюю пору...» на музыку старого советского гимна.

⁵ В нашей реальности на канале работали 700 тыс. вольнонаемных, 100 тыс. пленных, 100 тыс. заключенных. Открытие канала было 1 июня 1952 года, в альт-истории, с учетом морских задач СССР в Средиземноморье, усиления ЧФ и народнохозяйственных нужд, будет раньше.

когда враг не подозревает, что это всего лишь передышка, затишье перед расплатой, а не его победа! Потому – сейчас улыбаемся и жмем руки, выторговывая мир. А убивать будем потом!

Таковы были подробные инструкции, с которыми прилетел в Москву специальный посланник США, помощник президента по вопросам национальной безопасности Джек Райан⁶. Не просто рекомендации – а высочайшее мнение тех, кто подлинно правит Америкой. И Райан, как член президентской команды, не сомневался в их правоте. Теперь он так не думал.

Отчего для такой ответственной миссии выбрали именно его, совсем молодого по меркам американского истеблишмента? Положим, возраст не всегда показатель компетентности – какой идиот додумался поставить на должность посла США в СССР адмирала Алана Кирка? Решив, что этот дуболом, энергично и умело командовавший эскадрой в Средиземноморье, «эталонный антикоммунист» и приятель Даллеса, способен на что-то большее, чем давить, требовать и угрожать – это было бы уместно в какой-нибудь Бразилии или Гондурасе, или даже в Англии сорок первого, стоящей на грани пропасти и опутанной нашим кредитом. В итоге старый болван, после заявления Макартура, не придумал ничего лучшего, как сказать мистеру Молотову, что в Вашингтоне ночь, а потому консультации Государственного департамента с военными задерживаются! Решил «помариновать» русских с ответом, чтобы они были сговорчивее – вот они и ответили, ударом по Шанхаю! Кстати, вполне по-американски поступили – если ты думаешь, что у противника в кармане взведенный кольт, стреляй первым!

Главное, совершенно неясным оказывался фактор Двери. Что Сталин имеет какую-то связь с русскими из будущего. И если это правда, то начинать войну с СССР будет даже не глупостью, а ошибкой. С абсолютно непредсказуемыми последствиями; а это очень плохой бизнес – начинать дело, не просчитав результатов! И именно Райан, еще в сорок пятом приехавший в Москву, считался «экспертом» по данному вопросу.

То есть решение воевать или не воевать с русскими прямо сейчас в значительной степени зависело от ответа, есть ли у Советов помощь потомков? Или все это блеф, хитроумная операция советской разведки?

Неделю назад, 7 сентября, русские взяли Циндао. Из восьми тысяч американцев гарнизона и тыловых служб четыре тысячи погибли, остальные в плену. От экспедиционного корпуса в Шэньси по радио слышны вопли о помощи, прорваться из окружения решительно невозможно, у русских господство в воздухе, у наших парней на исходе снаряды и горючее, хорошо еще, что провизию можно на месте реквизировать, и не зима – так что участь Паулюса генералу Робертсону не грозит. А еще севернее влипла в дерьмо 82-я десантная, сброшенная на Янь-ань: предполагалось, что на третий день туда подойдут войска Чан Кайши, теперь приходится выпутываться своими силами, совершая рейд через весь Особый Коммунистический район, практически пешком, без транспорта и тяжелого вооружения. Их счастье, что русские не препятствуют – наверное, считают, что если наши парни помнут макаку Мао, это будет даже к лучшему для их макаки Гао Гана в Харбине?

И, наконец, авиабаза Синьчжун. При ознакомлении с тайными пружинами этого дела хотелось взвыть и выругаться – если подозрения окажутся правдой, в высоких штабах головы полетят! Как в ноябре сорок первого – ведь не секрет, что война с Японией тогда была нужна Штатам, вот только по внутривластным причинам требовалось, чтобы именно желтомордые напали первыми, подобно тому, как за четыре года до того они потопили «Пэней». Средство казалось безошибочным – сначала по отношению к Японии проводилась откровенно хамская политика, когда макак буквально загоняли в угол и душили санкциями, ну а затем должны были быть трупы, как «Мэн» в Гаване, за полвека до того. И в узких кругах ходили разговоры, что некое старое корыто, невооруженное, но с американским командиром, экипажем в

⁶ Автору известно, что должность советника, а не помощника по нацбезопасности в нашей истории была введена в США лишь в марте 1953 года.

два десятка человек и военным флагом – с юридической точки зрения полноправный корабль ВМС США, потопление которого это «казус белли» – аж с середины ноября и до самого начала войны болталось в море вблизи Японии – простите, парни, но так надо для Америки! И не беспокойтесь, за вас достойно отомстят. Кто ж знал, что самураи проигнорируют приманку и ударят по самому Перл-Харбору?!

Так и тут – Райан успел ознакомиться лишь с самой предварительной информацией, но у него возникло стойкое убеждение, что Синьчжун *подставляли* русским, объектом их мести, как пробку в электрической цепи. Чем еще объяснить срочный переброс в Китай практически небоеспособной эскадрильи, предсерийных машин – как выяснилось, у них даже размер бомбоотсеков не соответствовал принятым на вооружение бомбам! Однако Советам давались намеки, и «утечкой», и явные, что В-47 готовы нанести удар по целям в Сибири, и что они неуязвимы для русской ПВО! А гарнизон базы, ее оборона и материальное обеспечение были ниже предусмотренных по штату – подобно тому, как для Гаваны выбрали уже старый «Мэн» с экипажем из матросов-ниггеров, а все офицеры корабля благоразумно оказались на берегу. Никто не ждал от русских такой наглости... и подлости! Статья в «Правде», с охотой перепечатанная множеством европейских газет – кто такой этот Ли Юншен, командир китайского партизанского отряда, нет на него никаких данных. Но в Париже злорадствуют, американскую армию уже и китайцы бьют, не одним же нам от вьетнамцев терпеть! А британский «Милитари Обсервер» осмелился даже подвергнуть сомнению американскую военную мощь! Нравится это кому-то в Вашингтоне или нет, но факт очевидный: европейцы в большинстве воевать с СССР категорически не желают (за исключением очень немногих, как норвежский король, одержимый манией вернуть Нарвик и Шпицберген, как в свое время французы Эльзас и Лотарингию). И если завтра начнется война – Советскую армию (и Красный вермахт ГДР) в Европе остановить будет нечем, так что итогом первого раунда боевых действий станет отступление, с потерей союзников и капитала. Одновременно Советы выдвинутся и в Китае, и на Ближнем Востоке, так что когда Америка будет готова вернуться, года через два-три, воевать придется со всей Евразией, прошедшей коммунизацию (кто сомневается, пусть взглянет на Рейх 1944 года и ГДР 1950-го) – и это еще без учета фактора Двери!

Но были и соображения «против» мира. Эти сообщения русского радио, и весь СССР как большая стройка – в то время как в США закрываются заводы, построенные во время войны, из-за недозагрузки мощностей, товар некуда сбыть! Сейчас русские уступают Америке в промышленной мощи в разы, но они идут вперед гораздо быстрее, у них не было Депрессии – и при их строе никогда не будет! Не говоря уже о рынках в Северном Китае и Восточной Европе, помимо своего собственного – куда они категорически отказываются пускать иностранных игроков, наплевав на святая святых, «свободу торговли»! Да, мы используем время для лучшей подготовки к войне – но ведь и они тоже уйдут вперед, и в 1955 году чего достигнуто? Не окажемся ли мы в положении Англии 1914 года?

Паровозы надо давить, пока они еще чайники. Эти слова Райан слышал от кого-то в Москве, еще в прошлый свой приезд. Так не окажется ли, что еще через пять лет русский «паровоз» наберет скорость, и встать на его пути будет смертельно опасно? Не выйдет ли, что прав окажется Макартур, кричавший, что если коммунизм не остановить сейчас, то после будет уже поздно? Очень многих в Штатах успокаивает, что Сталин будто бы отказался от «мировой коммунистической революции». А если он решил, что превратить весь мир в свой «задний двор», как Штаты сделали это с теми, кто южнее Рио-Гранде – столь же результативно, зато дешевле и безопаснее?

И снова был фактор неопределенности – Дверь. Безвозмездной помощи не бывает. Если потомки (да хоть марсиане или черти с рогами) в игре на стороне Сталина – то чего они хотят для себя? И в какой мере СССР здесь свободен в своих решениях?

Русский министр иностранных дел Молотов был полным аналогом Кирка – упрямый «господин Нет». Удалось лишь через него передать Сталину предварительные условия договора. Прекращение огня в Китае (хотя бы между войсками СССР и США), отвод сил, обмен пленными (звучало как издевательство – у русских было четыре тысячи американцев, взятых в одном лишь Циндао, у нас единицы, в основном из числа их летчиков). Придется пойти на уступки – очевидно, что русские, заняв территорию до Хуанхэ, а местами и за ней, оттуда уже не уйдут, и Гоминьдану не отдадут – так что в ближайшей перспективе возникнет какой-нибудь «Народный Северный Китай», как еще недавно две Италии было. Также подвисает в воздухе вопрос с Синьцзян-Уйгурией – где все идет к тому, что там еще одна просоветская «маньчжурия» образуется. И вопрос в ООН, который Советы поднимали уже не раз: а по какому, собственно, праву Китайская Республика является Постоянным Членом Совета Безопасности ООН, наравне с СССР, США, Великобританией? По праву причисления к державам-победительницам во Второй мировой войне? Тогда на каком основании вы применяете к ней Атлантическую хартию, которая, как известно, открывает свободный доступ державам на рынки одних лишь колоний? А ведь еще вопросы по Европе возникнут и по мировой торговле. Например, по срокам выплаты ГДР репараций США и Англии (о французах дипломатично промолчим).

Наконец, удалось добиться встречи с самим Сталиным. Хотя это было неуважением с его стороны, назначать срок на столь поздний час – подобно тому, как в НКВД здесь практикуют ночные допросы, чтоб сломить волю подсудимых. Райан знал, что русский Вождь любит сидеть допоздна и даже собирать совещания своих министров, но иностранные посланники от такого прежде были избавлены! Но выбирать не приходилось – тем более это позволяло получить в посольстве последние инструкции по спецсвязи. Когда в Москве полночь, в Вашингтоне еще четыре часа пополудни – ну а в Пекине, наоборот, уже восемь утра!

Райан был один. От русских, кроме Вождя, еще переводчик и секретарь. Говорят, что на совещаниях Сталин любит ходить по кабинету вокруг сидящих остальных. Здесь же он сидел во главе стола, покрытого зеленым сукном, его помощники стояли от него слева и справа – а Райану указали место за противоположным концом стола. И переговоры начались.

Народам нужен мир. После совсем недавно закончившейся разрушительной войны, в которой погибло едва ли не больше людей, чем во всех предшествующих войнах, вместе взятых. Какой будет Третья мировая – и нужна ли она, не проще ли договориться мирно? Слова, составленные лучшими сочинителями речей – а впрочем, Райан и сам имел хорошо подвешенный язык, без этого в политике нечего делать, даже если ты не публичная фигура, а аналитик, ведь изложить предмет своему боссу, коротко и ясно, бывает еще важнее, чем толпе! Это было вступление, дальше должна была последовать конкретика. Конечно, не спрашивать Сталина про Дверь – не ответит. Но, может, укажет намеком, даст какую-то информацию для размышления?

– Мир – это хорошо, – ответил русский Вождь, – мир нужен всем. И нашему народу, в минувшей войне потерявшему шестнадцать миллионов, это очень хорошо известно. Но разве мы начали эту войну? Разве мы сбросили атомную бомбу на незащитный Сиань, убив двести тысяч даже не солдат, а гражданских лиц? А кто пытался сделать то же с нашим Порт-Артуром? Благодарите наше ПВО за отличную работу, иначе бы вы одним Шанхаем не отделались! Кто, без объявления войны, атаковал наши корабли в международных водах, в Корейском проливе? А погромы советских представительств и консульств на территории США – у нас здесь вы видели что-то подобное по отношению к американцам? Так кто разжигает войну – или вы хотите сказать, что ваш Макартур и вверенные ему войска, имея атомное оружие, уже и вашему президенту не подчиняются, и ваша верховная власть за его слова и поступки не отвечает?

Райан искренне удивился – поскольку достоверно было установлено, ни один самолет Бомбардировочного Командования приказа на атомный удар по Порт-Артуру не получал, боевых вылетов не совершал и не был там потерян. Вождь усмехнулся очень нехорошо, протянул

руку – куда секретарь тотчас вложил конверт. Кинул через стол Райану – смотрите, читайте. Этого – не было?

Отрывок из доклада командующего русской военно-морской базой Порт-Артур: «2 сентября сего года самолет В-29 с опознавательными знаками ВВС США сбросил над городом предмет на парашюте, схожий с атомной бомбой. Зенитным огнем предмет был сбит и упал в море, поиски ведутся. Бомбардировщик был атакован парой истребителей МиГ-15, сбит, упал в море, парашютов экипажа не замечено».

Еще документ: «Обломки упавшего самолета обнаружены в точке с координатами... на глубине 35 метров. Аварийно-спасательной службой ТОФ проведена операция по их подъему и доставке на берег. Обследование показало, что данный экземпляр В-29, бортовой номер... безусловно, является носителем ядерного оружия. По признакам: люк в переборке из кабины экипажа в бомбоотсек – отсутствует на серийных машинах, но наличествует на «атомоносцах», где бомбардир окончательно снаряжает бомбу уже в полете. Облегченное вооружение – кроме хвостовой установки, имеются лишь две оборонительные турели вместо четырех, также характерно для носителей атомных бомб».

И четкие фотографии – плавучий кран извлекает из воды фюзеляж В-29. Те же обломки, уже на берегу, в окружении русских офицеров и матросов, хорошо различимы опознавательные знаки и бортовой номер. Отдельно и крупно – вышеупомянутые отличия «атомного» бомбардировщика. Останки экипажа в кабинах – вид ужасный, но форму пилотов США опознать можно. Они же – уже извлеченные, разложенные на земле. Фотографии документов, обнаруженных в карманах, – пострадали от морской воды, но фамилии и звания вписаны очень прочной тушью, сохранились вполне читаемо.

– У вас принято возводить ложь в принцип: что не доказано, того не было, – сказал Сталин, – так вот доказательства вашей неспровоцированной агрессии против нашей страны, которые будут предъявлены в ООН и опубликованы в газетах. Как мы можем верить тем, кто постоянно лжет? Ваши индейцы помнят, чем это всегда кончалось. Да, мы хотим мира. Но считаем, что одни лишь слова тех, кого схватили за руку на самой наглой лжи, стоят очень дешево. Мы поверим лишь конкретным делам. А пока же – вправе ждать от вас самого худшего и быть к этому готовыми.

Чертов Макартур! Райан захотел взвыть. Неужели он сумел сговориться за спиной Комитета начальников штабов, напрямую с плохими парнями из ВВС? А Бомба тогда у него откуда? Хотя до сих пор не удалось достоверно установить, была ли Бомба в том пропавшем рейсе, отправленном на базу Синьчжун! Или на бумаге и Бомбы учитываются не там, где они фактически есть? И мы сейчас в положении какого-то Парагвая, где иной полковник мнит себя самостоятельной фигурой? Но черт возьми, тогда война может начаться совершенно против нашей воли, сама по себе... хорошо это для Америки или плохо? Может, предоставить еще раз решать все судьбе, вступить Штатам в бой ради торжества «свободного мира», или проявить благоразумие? Как минимум карьера будет кончена, если против инструкций пойду – плевать, судьба моей страны на кону!

На столе зазвонил телефон. Сталин поднял трубку и, как показалось, удивился. Затем сказал коротко: «Да». Вошел офицер, положил на стол бумаги. Сталин прочел – и посмотрел на Райана так, что тому стало страшно.

– Несколько часов назад вы сбросили атомную бомбу на Синьчжун⁷, – сказал Сталин абсолютно спокойным, даже равнодушным тоном, – и насколько я понимаю, такие операции санкционируются и планируются заранее, следовательно, вы знали о том, когда шли сюда говорить красивые фразы? Если вы действительно представляете высшую государственную власть

⁷ «Китайское» время по часовым поясам опережает московское на 6-7 часов.

США. Еще не навоевались? А ваши сухопутные войска в Европе, во Франции приведены в полную боеготовность и получили приказ выдвигаться к границе. Это что – война?

Райан не понимал решительно ничего. Может быть, там, в Штатах, победил заговор, президент Баркли объявил братьев Даллесов преступниками, ну а они его... случилось ведь, что убивали и президентов! Но при победе «партии войны» бомбили бы не Синьчжун, а как минимум Харбин или Владивосток! А десятка американских дивизий в Европе явно недостаточно для блицкрига по-паттоновски, это было понятно любому недоумку, заговорщики не идиоты же? Или тут ведется какая-то игра... надо срочно спешить в посольство и запрашивать Вашингтон, что там происходит!

– Заговорщики? – переспросил Сталин. – Но отчего вы говорите это нам, не мы же обязаны ловить и вешать ваших преступников? Или, как у вас принято, сажать на электрический стул. Со своими мерзавцами разбирайтесь сами. Мы же хотим в течение двадцати четырех часов не только получить от вас самые исчерпывающие разъяснения по поводу происходящего, но и увидеть ваши действительные шаги по стремлению к миру. К коим относятся, в первую очередь, отмена боевой готовности войск Атлантического союза, прекращение полетов вашей авиации вблизи наших границ и интернирование вашего экспедиционного корпуса в Китае. В противном случае мы оставляем за собой право нанести еще один удар по одному из военных объектов США, таким же боеприпасом, как в Шанхае. А через сутки, если не получим ответа – еще один. Нам не нужна война – но мы ее и не боимся. Будет ли она – теперь вам решать. Так и передайте своему президенту.

Союз нерушимый республик свободных...

Это была обыкновенная московская коммунальная квартира, населенная самым разным народом.

Шесть комнат и бесконечно длинный коридор, хоть на велосипеде катайся. В конце кухня, рядом ванная и туалет. В кухне была еще одна дверь, на черную лестницу, но ею почти не пользовались – черный ход вел в колодец внутреннего двора, откуда попасть на улицу можно было лишь через лабиринт подворотен. Для того чтобы прислуга не беспокоила «чистую публику» – при царе здесь жили чины уровня статского советника (что-то возле полковника, если перевести на армейский). После революции квартира стала коммунальной – до двадцать третьего года, когда сюда вселился один ответственный товарищ с семьей; в тридцать седьмом жилье снова сделали «коммуной».

Жили здесь самые разные, обычные советские люди. В целом дружно, хотя иногда бранились, особенно по утрам, собираясь на работу и сталкиваясь возле кухни, в конце коридора. Но все понимали, что им вместе жить и дальше, а эта квартира была далеко не самым худшим вариантом, в сравнении с бараками на окраинах, где комнатки маленькие, как вагонные купе, лишь нары и столик умещаются, потолки рукой можно достать, а «удобства» одни на двадцать комнат, и еще хорошо, если в конце коридора, а не будкой во дворе, и за водой надо на угол к колонке бежать с ведром. А самый худой мир все же лучше ссоры – так что давайте все жить дружно, мы ж не какие-нибудь фашисты-капиталисты, чтобы друг с другом конкурировать, мы и слова-то такого не знали.

Тем более жить действительно стало лучше. И веселее. Война кончилась, все живы-здоровы, одеты, обуты, не голодают. И цены снижают, уже каждый год после Победы, 1 апреля. А зарплаты растут, хоть и немного – вон, Петр Иванович новые ботинки купил, от чешского «Бати», а Марья Степановна в «Риме» разоделась, как картинка журнальная, Катя с Людочкой тот каталог смотрели и ахали завистливо. А после скооперировались: удачно, что в журнале выкройки были – Петр Иванович со студентом Сеней рассчитывали, чтоб по меркам поправки внести, и на миллиметровке чертили, затем перенесли на ватман, а юбки солнце-клеш-миди просто куском мела на нитке, как циркулем, круги обвели прямо на ткани, сначала сметали

наживую, примерили – а затем с Марьей Степановной, как хозяйкой единственной в квартире швейной машинки, договорились по-добрососедски, она по-быстрому прострочила – и платья вышли ну просто чудо, как у киногероинь! Материал – самый дешевый ситчик, зато фасон совершенно как в журнале, издали так и не отличить!

– Я в нем, как Лючия Смоленцева! – восклицала Катя, вертясь перед зеркалом. – Но теперь к нему шляпка нужна, широкополая и с вуалеткой! Петенька, ну после всего мы можем себе позволить приодеться, хорошо наконец пожить?

Скромный советский инженер Петр Иванович молчал. Возможно, он вспоминал «Двенадцать стульев», как там одна особа так же вздумала состязаться с мисс Вандербильт. У Петра Ивановича же мечта была другая. И момент для разговора с женой удобный – только что из кино пришли, с последнего сеанса, новый фильм не про войну и подвиги смотрели (навидались, наслушались, даже те, кто сам не участвовал), а лирическую комедию, «К Черному морю», про то, как молодая пара едет на собственной машине в Крым, через всю страну, попадая по пути в разные забавные ситуации. С этого лета впервые бензин стали отпускать не по «фондам» через учреждения, а в свободной продаже – и частные автомобили как-то сразу перестали быть редкостью. Конечно, «Победу», как у героев фильма, купить почти за двадцать тысяч мог далеко не каждый – но «Москвич» (в девичестве «Опель-кадет») и «Пионер» (в иной истории «Фольксваген-жук», сходящий с конвейера до 1980-х) вполне мог себе позволить инженер, ученый или даже передовик производства.

– Кать, а давай машину купим? – решился наконец Петр Иванович. – Девять тысяч, если с моей зарплаты половину откладывать, как раз к следующему лету накопим! И на природу в выходной сможем выбраться – а в отпуск на юг, в Ялту?

– Лучше на поезде, – ответила жена, – я пальто хочу, как в журнале, «летающее», без рукавов. И шляпку обязательно! У нас в отделе все девочки в шляпках ходят, одна я в беретике, немодно так совсем. Осень уже – а мне надеть нечего!

– В «разлетайке», ветер дунет, улететь можно! – сказала Люда. – Полы все на голове, и хорошо, если не вместе с подолом. И при этом еще и в шляпке – вот будет зрелище!

– Все носят, и ничего! – ответила Катя. – А что развеается, так это даже красиво, как в кино, та сцена объяснения на морском берегу. Петенька, – тут Катя сложила губки, – мне пальто сейчас нужно! А на машину откладывать... вдруг снова бензин сделают только «прикрепленным», и выйдет как у товарища майора, – Катя посмотрела на мужа Марьи Степановны, – «Опель-капитан» из Германии привез, а ездить не получалось.

– С бензином были временные трудности, потому что все силы страны были брошены на восстановление народного хозяйства. Но добыча нефти с каждым годом растет, читали, надеюсь, в «Правде» про «Поволжское Баку», – авторитетно сказал майор Колосков, – так что не беспокойтесь, теперь бензина всем хватит! И в следующем году снова цены снизят весной – так что вам, Петр Иванович, денег и на «Москвич» хватит, и супруге на пальто. Только простите, вы на югах купаться-загорать желаете? Так ближе место есть – на Рижском взморье, там вода теплая и такие пляжи! Хотя там с осторожностью надо – с шоссе не съезжать, особенно в лесах. Не пугайтесь, банд там нет уже – но особый режим сохраняется. А значит – посты, патрули, документы проверяют часто, туда нельзя, сюда нельзя. Где территория к Ленобласти или к Белоруссии отошла, население успело в большинстве смениться, там порядок и законность, как под Москвой. А вот там, где бывшие три республики, сейчас в одну объединенные, иногда такой бардак встречается, хоть в «Крокодил» пиши! Можете, например, в село въехать...

– И не выехать? – охнула Катя. – Бандиты убьют, ограбят, и не узнает никто?

– Года четыре назад так и было бы, – серьезно ответил майор, – но мы там кулачье и бывших помещиков, которые больше всех мутили, кого в расход, кому «четвертной» по лагерям. Так что год уже как бандитизм в Латгалии не чаще, чем, прости господи, в Москве. Если что и случается, то это ЧП на весь район, тут и прокуратура слетается, и ОМОН, и мы. И всегда

виновных находили, и наказывали сурово! Но вот по мелочи запросто могут, что вы к ним по-русски, а они «не понимают», и так во всей деревне! Дорогу укажут неправильно, тайно шины проколют, еще чем навредят – а когда вы покупать что-то будете, так вас обсчитают, что Рокфеллер от зависти удавится. Особенно те, кого с отделяемых территорий депортировали – они злобу на нас затаили большую. Но я бы все же вам на Рижское взморье советовал: западное побережье, где Лиепая и острова, это погранзона, там до сих пор иногда засланных шпионов и диверсантов ловят. А Рига сейчас это уже как русский город, столько народа туда со всего СССР приехало, заводы восстанавливать и строить. И рядом Юрмала, место очень хорошее в плане отдохнуть – может, и мы с Машей сами следующим летом в отпуск поедem, и Саньку возьмем! Хотите, скооперируемся? Я там все и всех знаю, и товарищей из местных комендатур, и меня там помнят хорошо!

– Тогда уж «Победа» нужна, – заметил Петр Иванович, – в «Москвиче» неудобно впятром.

– Санек наш маленький, – сказала Марья Степановна, – он с нами на заднем сиденье поместится. Что сейчас спорить – ближе к тому лету решим!

Санька, шести лет от роду, сын Марьи Степановны и майора, вертелся тут же на кухне. Ему давно полагалось спать, но ведь здесь так интересно! К тому же, когда еще недавно папа с какими-то «лесными» воевал, а мама у тети Ани и тети Люси работала, за их детьми присматривая, и за Саньком тоже, куда ж его оставить – там ложились очень поздно. Особенно когда дядя Юра приходил и занимался «тренировкой подрастающего поколения», как говорил сам. Или же иногда по вечерам смотрели живое радио, на телевизоре КВН-49⁸. Точно такой телевизор стоит в кабинете у самого Сталина, на известной фотографии в газете! И Сеня с Людой мечтали КВН купить, а Санька к телевизору относился без восторга – уж больно плохо было видно на черно-белом экране размером с книгу, то ли дело кино, цветное, а иногда даже широкоформатное!

Отзвучал по радио гимн – и все жильцы, собравшиеся на кухне у «тарелки» репродуктора, чтобы прослушать новости, стали расходиться. И тут снова зазвучала музыка. Да какая!

«Вставай, страна огромная». Которой – и все это помнили – в недавнее военное время предвещали самые важные новости или речи самого Вождя!

Но голос был не товарища Сталина, а Левитана. Последние сведения из Китая – американские империалисты совершили новое преступление, сбросив еще одну, после Сианя, атомную бомбу. На этот раз – на Синьчжун.

Это название было во всех советских газетах не далее как вчера. Рассказ о подвиге китайских партизан (конечно же, в такой войне и у них должны быть такие, как наш Ковпак!), захвативших американскую авиабазу, с которой Макартур хотел бомбить Особый Коммунистический район, а возможно, и советскую территорию! Большое фото командира Ли Юншена, с биографией – все как у нас, из бедняков, подвергался угнетению, с юности участвовал в борьбе, имел твердые коммунистические убеждения, организовал партизанский отряд. Отчего китайские товарищи, захватив аэродром, не ушли, как следовало бы партизанам, а сидели в осаде? Так чтобы американцы оттуда взлететь не могли, с атомными бомбами уже на Владивосток или Иркутск! Теперь этого товарища Ли Юншена, наверное, уже нет в живых – выходит, он и те, кто были с ним, погибли за нас, за то, чтобы бомбы на наши города не упали? Значит, это истинно «свои» товарищи – и прощать их смерть было никак нельзя!

С минуту в кухне было молчание.

– Завтра с самого утра соли и спичек куплю, – произнесла наконец Вера Матвеевна, старейшая из жильцов, помнившая еще революцию пятого года, – и еще крупы. Кому сколько, говорите – возьму и на вас, если сумею дотащить.

⁸ Первых телезрителей даже называли «радиозрителями».

– Только зажили хорошо! – бросила Людочка. – Да что за время такое?

– Вот вам и снижение цен, – сказал Сеня (который, уйдя с завода в институт на дневной, постоянно «стрелял» рубли до стипендии, стыдась, что Люда получает больше него).

– Да, теперь бензина для населения долго не будет, – сказал Петр Иванович, – хотя, может, там, наверху еще договорятся?

– Не договорятся, – решительно заявил майор Колосков, – помните же, что от нас Макартур требовал, грозил: чтоб мы из Китая, а они туда? И будут американские танки на нашей границе стоять. Погано, конечно, но уступать нельзя. Тут как в драке: если началось, то или ты, или тебя! Эх, Маруся, опять не удастся нам вместе в отпуск!

И майор тяжело вздохнул.

– Я тоже в военкомат, – сказала Марья Степановна, – медработники ведь на фронте тоже нужны?

– А Саньку куда? В детдом не позволю!

– Как можно? Я еще давно с Анной Петровной и с Люсей договорилась. Чтобы, если что, наших детей вместе растить, чтоб не пропали. И Санек с ними рос, привык уже. Так что в люди его выведут, если мы не вернемся.

Сашка помнил – большую светлую квартиру у метро «Сокол», где жила «тетя Аня Лазарева, которая в самом ЦК работает и со Сталиным встречается»! Квартира была почти такого же размера, как эта – на одну всего семью! – но казалась тесной. Там были, кроме самой тети Ани, красивой и доброй, совсем не строгой – еще дядя Миша, военный в очень большом чине, и тетя Люся с дядей Юрой, они вообще-то жили этажом выше, но часто тетя Люся даже ночевать оставалась здесь, «коммуной хозяйство вести». И приходили какие-то военные, и были еще тетя Паша и тетя Даша, домработницы, они убирали, готовили, стирали. И были Владик, Петя и Анечка – «А ты, Санек, над ними старший, за них отвечаешь, когда вы вместе и взрослых нет», – но обычно по утрам приходила воспитательница из детского сада, который был в этом же доме, и забирала всех четверых; был еще маленький Илюша, который в садик не ходил. Мама, когда оставалась, то спала в одной комнате с тетей Дашей, ну а Санек с другими детьми. А еще там была целая комната без мебели, лишь с мягким ковром и даже чем-то вроде матраца на полу, на который совсем не больно было падать, когда дядя Юра учил: «Будь как ванька-встанька, падаешь вперед, вбок, назад – уходи в кувырок и вставай на ноги». Или надо было уворачиваться от бросаемых шариков для настольного тенниса – «учитесь перемещениям и дистанции», или кидать те же шарики в стену, и ловить или отбивать – «развивайте скорость реакции». А когда не было дяди Юры, его заменяла тетя Люся, или, реже, сама тетя Аня. Однажды Санька видел, как тетя Аня и тетя Люся, обе в штанах, в той комнате дрались друг с другом, не по-настоящему, конечно, но как в кино, махали руками и ногами, и деревяшками как ножами – увидев, что Санька и Владик смотрят, тут же прекратили и сказали, это наша игра, взрослая, вам пока рано. Или же играли на скорость, в «цап-царап, отдерни руку», или на внимательность, на короткое время показать картинку или разложенные предметы – после описать рисунок или заметить изменения на столе, были и другие подобные игры – или просто читали вслух. А еще тетя Аня и тетя Люся иногда разговаривали между собой на чужом языке – «итальянском», через полгода Санька запомнил довольно много слов. Жить там было интересно, но год назад папу наконец перевели в Москву, и мама теперь бывала в доме на Ленинградке лишь изредка. Тетя Аня и тетя Люся тоже бывали здесь, на Чистых Прудах, у мамы в гостях. После чего соседка Катя и стала подражать «самой Смоленцевой» – такое же платье, прическу, теперь пальто и шляпку хочу!

– Так не объявили же пока, – сказала Катя, – нет еще войны.

– И не объявят, – ответил майор, – американцы это такие сволочи, если нападут, то как Гитлер, без всякого объявления. Сначала атомную бомбу бросят, а после – сдавайся, кто

живой! Но не дождутся – фрицев одолели, и этих тоже. А ведь в союзниках ходили – ну до чего подлый народ!

Санька еще не мог найти Америку на карте. Но в детском саду уже разучивал, вместе со всеми – «Покою нет земле Китая под иностранным сапогом». Если взрослые говорят, что в Америке живут плохие люди – значит, так и есть?

– А Степка из двадцать третьей квартиры сегодня во дворе говорил, что его папа его маме сказал вчера: «Американцы наконец хуйлу усатому мозги вправят».

И в кухне все замолчали. Слышно был лишь, как хрипит не выключенный репродуктор и муха бьется о стекло.

– И кто у нас такой в двадцать третьей? – сурово спросил майор. – Хотя в жилконторе узнаем.

– Саня! – сказала Мария Степановна. – Никогда больше не говори такие слова. Те, кому надо, разберутся – а ты молчи!

И все разошлись по своим комнатам. Готовиться к уже наступившему трудовому, пока еще мирному, дню. 15 сентября 1950 года, пятница.

На следующий вечер

(монолог следователя ГБ)

Мой приятель из МУРа как-то сказал – как на пенсию выйдет, будет детективы писать. И мне присоветовал тем же заняться. А я ответил, а зачем нашим советским людям знать, что рядом с ними такие экземпляры обитали когда-то?

Муровцу еще можно, с чисто историческими целями, ведь, наверное, уже дети наши не будут знать, что такое уголовная преступность? Как новый УК ввели, резко ужесточающий наказание как раз самым злостным, закоренелым рецидивистам. Чтоб никаких «воров в законе», «авторитетов», в принципе на воле существовать не могло – да и в лагере они были не авторитетами, а самыми последними париями. А вот по нашему ведомству куда сложнее – пока всемирный коммунизм не победит, так и будут капиталисты и своих шпионов к нам засылать и всяких там морально разложившихся соблазнять. Как этого вот... Спать уже охота, рабочий день-то у нас ненормированный. Ничего – я зато после домой пойду, а этот в камеру, хе-хе!

И отчего эти так любят дневники писать? Ладно бы еще переписка – но в личный дневник заносить такое, что готовая доказательная база для 58-й статьи? Приятель мой из угро высшее образование имеет, так он объяснял про какой-то синдром, медицинские термины – я, человек простой, понял лишь, что психика наша так устроена, что в себе удержать никак нельзя, ни с кем не поделившись. Ну, нам же легче!

Нет, ну что пишет, сволочь! И себя мнит единственным и неповторимым – хе-хе, сколько лишь передо мной таких прошло, вот позавчера похожего допрашивал. Я, конечно, философии не изучал, но здравым умом завсегда скажу, ну не может быть абсолютной свободы, коль ты среди людей живешь, а не каким-то робинзоном, как в детской книжке. Ну а если считаешь, что никому ты ничем не обязан, а сам, значит, от общества потребляешь и пользуешься – так и мы, то есть общество, с тобой по-доброму совершенно не должны!

...в мире есть лишь свободные, демократические страны, где власть лишь обеспечивает мне условия проживания, к коим относится и охрана меня от внешних врагов и преступности – и не лезет в мои дела. В идеале, пока я не нарушаю закон, я вообще не должен такую власть видеть. И есть диктатуры, где власть указывает всем, имеющим несчастье оказаться под ее рукой, как им надо жить. К сожалению, меня угораздило родиться не в той стране.

Ну-ну, это что ж выходит – как война, снова какой-нибудь Гитлер напал, а ты хочешь, чтоб другие за тебя на фронт? Как какой-то Хармс: «Я в военкомат не пойду и повестку разорву» – в Ленинграде, в сорок первом! Так ему и Победа наша не в радость – что пишет, скотина.

*...победа, торжество! Одно усатое х***ло победило другое х***ло! А ведь как хорошо все начиналось – две тирании сцепились друг с другом и, взаимно ослабев, должны были пасть перед светом демократии! Эта война должна была кончиться грандиозным «верденом», позиционным фронтом где-нибудь на Волге – поскольку Германия все же является более высокой культурной цивилизацией. Затем пришли бы США и Англия, сказали бы «брек» и продиктовали проигравшим свои правила. Но все пошло не так – и в итоге пол-Европы попали под власть диктатуры! И нет уже надежды, что нас освободят.*

Кто-то думает, за такое сажать не надо? Ведь пока ничего он совершить не успел! Так то-то и оно – на нас еще не напали, а он уже готов, в полицаи или старосты, или бургомистры, дай ему волю! Ну вот мы и не дадим!

*...ура! Наше х***ло бросило вызов самим Соединенным Штатам! При очевидном соотношении сил – достаточно взглянуть на выработку электричества, выплавку стали, добычу угля и нефти. Слушая радиопередачи – то, о чем умалчивает наша пропаганда – о соотношении нашей и их промышленной и военной мощи, я не сомневаюсь, что мы проиграем быстро, без долгой агонии – хотя ради освобождения я готов смириться и с атомной бомбой, сброшенной на мой дом.*

Приемник также изъят и к делу приобщен. Вообще, это непорядок, когда кто угодно слушает что угодно! Я понимаю, повышение благосостояния, «сименсы» и «телефункены» в любом магазине стоят, приходи, покупай, у тебя даже паспорт не спросят! Но я спрашиваю, зачем тебе, если ты не радиолюбитель (должным образом проверенный и зарегистрированный), слушать заграничное радио? Новости, музыку и все прочее – и через репродуктор можно! Положим, это дело не мое, законы издавать – но хорошо бы все же, если бы не продавали приемники кому попало! Вообще, смотрю опись при обыске изъятых – мать моя, это на какие шиши так жил скромный бухгалтер кооператива «Эврика плюс»? Ясно, на какие!

...как можно скорее уехать куда-нибудь в глушь, в провинцию, пока Москву еще не разбомбили! Да хоть сесть по пустяковой «растратной» статье. Конечно, советскими деньгами завтра будут оклеивать нумизматы, но пока еще можно купить на них ценности: золото, бриллианты. Да и просто продукты – завтра ведь из магазинов все исчезнет, и можно будет сделать хороший гешефт, в обмен на ту же ювелирку.

Представляю, как честят сейчас эту сволочь его же сослуживцы – так как даже при поверхностной проверке в этой «Эврике» вскрылись как минимум нарушения финансовой отчетности, ну а максимум – ОБХСС разберется. Но дело этого гражданина выделено в отдельное, по 58-й. За такие вот мысли:

*...по моим расчетам, эта война продлится полгода, максимум год. При американской атомной и воздушной мощи – сколько городов должно быть сожжено, чтобы усатое х***ло капитулировало? И я увижу американские войска в Москве!*

Ты, самка собаки, у меня в простую отсидку не уйдешь! Думаешь, в лагере на «придурочную» должность устроиться, учетчиком, или при кухне, или на склад? Когда наши советские люди должны на фронте сражаться? Как раз для таких, как ты, свежий Указ от 11 сентября, он же «одиннадцать-девять». В военное время гнать эту мразь даже не в штрафную роту, это тоже высокая честь, и при первом же ранении долой судимость, ну а пуля-дура не разбирает, а вдруг не насмерть? – а в штрафные команды дезактивации, в очаге поражения радиоактивную грязь убирать! Как нам еще летом на военных курсах про радиацию рассказывали и стадии лучевой болезни – так начальством после Указа 11-9 велено фотографии «Клиническая картина в процессе» подследственным показывать. Тот, который у меня позавчера, увидев – передо мной на коленях ползал и выл, и каялся, и во всем сознавался, чтоб только по чистой 58-й уйти в лагерь! Мы ж не какие-нибудь фашисты, обрабатывать тебя сапогами и кулаками, тебе куда страшнее будет вообразить, как ты от радиации заживо сгниешь!

– Так кого вы, гражданин Ибрагимов, назвали «усатым х***м»?

Эрвин Роммель, главнокомандующий Фольксармее ГДР

Фельдмаршал смотрел на стол в своем кабинете – казалось, что бумаги плодятся, как амёбы, чем больше их удается проработать, тем больше прибывает новых, требующих немедленного прочтения и принятия решения. Последние две недели были форменным кошмаром для прирожденного строевика, не любившего штабной работы и при любой возможности уезжавшего в войска. К сожалению, сейчас такой возможности не было – единственно, можно было сделать короткую передышку, дать отдохнуть слезящимся от бесконечного чтения глазам и обдумать происходящее.

Да, ГДР и ее Вооруженные силы подошли к кризису, находясь в много лучшем состоянии, чем многовековой противник Германии – Франция. Благодарить за это, по искреннему убеждению Эрвина Роммеля, следовало Советский Союз и лично генералиссимуса Сталина. Фельдмаршал навсегда запомнил приезд в Москву в мае 1944 года, когда члены германской делегации не знали, останется ли Фатерлянд независимым государством (и если честно, русские имели на то полное право!). Однако же советский Вожь подтвердил все данные от его имени обещания. А затем сказал: «Господа, есть мнение, что не может быть сильной Германии и сильной германской армии без соответствующей экономики».

Слова Красного Кайзера (как неофициально прозвали Сталина в коридорах берлинской власти) не расходились с делом. Уже осенью 1944 года начался планомерный, продуманный до мелочей, перевод немецкой экономики на режим мирного времени. В марте 1945 года была проведена подготовленная русским министром финансов, господином Зверевым, реформа денежного обращения. Многие немцы жаловались на ее конфискационный характер, это было так – но, по мнению Роммеля, одноразовый денежный шок, разом покончивший с «черным рынком», «сигаретной валютой», позволивший запустить нормальное производство гражданских товаров⁹ и всего через два с половиной года отменить рационирование основных товаров, был не в пример лучше бесконечного финансово-экономического ужаса, ставшего нормой жизни у французов.

В реформе германской экономики, проведенной быстро и профессионально, крылась очередная загадка, преподнесенная Советским Союзом. Роммель встретился с Красной Армией на поле боя в самом конце, так что лично наблюдать ее прогресс от неплохой, но не более того, к лучшей армии в мире ему не довелось, но коллеги рассказывали многое о том, как главный противник вермахта совершил какой-то фантастический скачок, за полгода сравнявшись силой с германской армией, а в следующие полгода ее превзойдя. Возглавив Фольксармее, фельдмаршал получил прекрасную возможность пообщаться с русскими военными, от командующего ГСВГ генерала армии Черняховского до их унтеров и солдат. Это были первоклассные воины, но не меньшее уважение танкиста Эрвина Роммеля вызвали их организация, тактика и техника. Естественно, возник вопрос: «Как?! Как, тысяча чертей, можно было совершить такой скачок за полтора года, от Сталинграда до Берлина?!»

Командуя в свое время личной охраной Гитлера, Роммель насмотрелся на придворные интриги, так что предпочитал собирать информацию, много слушать и ничего не говорить. На одном из торжественных обедов сосед, министр экономики герр Эрхард, восхищался не только качеством денежной реформы, но и темпами ее подготовки – по его уверениям, даже у американцев, случись им оказаться на месте русских, при активном содействии самих немцев на это ушло бы не меньше трех лет¹⁰. Но тогда выходило, что господин Зверев начал готовить реформу германских финансов в марте 1942 года, когда вермахт только что был отброшен от Москвы, и продолжал ее тогда, когда немецкие танки рвались к Сталинграду и Кавказу, когда

⁹ Аналог проведенной в нашей истории денежной реформы 1948 года в ФРГ.

¹⁰ Столько в нашей истории готовилась денежная реформа ФРГ.

судьба самого СССР висела на тончайшем волоске – уже тогда, если не зная точно, то как минимум имея основания считать, что Советский Союз не просто выстоит в войне на уничтожение, но захватит всю Германию? Готовил программу, рассчитанную вовсе не на финансовое обескровливание Германии, а на ее благополучие и мощь в качестве младшего партнера СССР!

Герр Эрхард не был кадровым офицером, но, без сомнения, был умен и сведущ. И Роммель рассказал ему о стремительном прогрессе русских в военном деле, упирая на невероятный скачок, внезапно совершенный ими. Министр экономики намек понял – и пригласил командующего на воскресный обед, якобы для неофициального обсуждения некоторых проблем военной промышленности. Фельдмаршал не особенно удивился, увидев, что среди гостей присутствует министр государственной безопасности, генерал-oberст полиции герр Рудински. После обеда в курительной состоялся короткий, но содержательный разговор. Герр Эрхард изложил свое мнение о неких странностях, сопровождающих достижения русских союзников, присовокупив к нему забавную историю, имеющую некоторое хождение среди элиты западноевропейских деловых людей, согласно которой герр Сталин заключил союз с русскими из будущего. Это стало новостью для Роммеля, но фельдмаршал не мог не признать того, что эта безумная версия логично объясняла всё.

Герр Рудински отреагировал иначе – для начала он счел нужным процитировать известное высказывание господина Черчилля, гласящее, что «русских всегда недооценивали, а между тем они умеют хранить секреты не только от врагов, но и от друзей»¹¹. Затем попросил герра Эрхарда представить реакцию господина Сталина на попытку хотя бы подобраться к самому охраняемому секрету Советского Союза, если эта версия верна – и на последствия для той страны, которая осмелилась на это.

Ответ был очевиден – терять несомненные выгоды нынешнего отношения СССР к Германии никому из собравшихся не хотелось. Кроме того, германская практичность, присущая всем участникам беседы, подсказывала, что если твой союзник сильнее, чем предполагалось, и нет оснований считать, что он использует свою силу тебе во вред, то это не самый плохой жизненный расклад.

Ну и конечно, то, о чем деликатно промолчал Рудински и не знал Эрхард – у Германии не было разведки, даже теоретически способной провести подобную операцию. В бывшем абвере русские провели реорганизацию, поставив на все ключевые посты своих офицеров немецкого происхождения, не из ГРУ, а из войсковой разведки, и немецких коммунистов, из числа прошедших соответствующую подготовку и получивших опыт – скрепя сердце фельдмаршал молча признавал, что в столь деликатной сфере руководить могут только люди, пользующиеся полным доверием «старшего брата». Сходная ситуация была и в 1С, второй армейской спецслужбе Германии, ответственной за разведку и контрразведку в прифронтовой зоне (аналог русского СМЕРШ) – руководитель отдела ОКХ «Иностранные армии – Восток» генерал-майор Гелен ушел к американцам, его примеру последовали те из его подчиненных, кто имел основания опасаться обвинений в военных преступлениях на Остфронте. Большинство войсковых разведчиков и контрразведчиков перешло в Фольсармее, они как-никак были германскими офицерами – но, во-первых, 1С также находилась под неусыпным контролем русских, всюду расставивших своих людей, во-вторых, операции такого уровня точно не были ее специальностью. Разведывательный отдел кригсмарине, прежде считавшийся самым «пробританским» из всех спецслужб Рейха, был капитально вычищен еще при фюрере, после бойни в Арктике и обоснованных подозрений в измене¹², оставшиеся меньше всего желали попасть под топор новых репрессий. Разведотдел люфтваффе, перешедший в Фольксармее почти в полном составе, специализировался в основном на аэрофотографировании и истолковании снимков,

¹¹ Реальное высказывание Черчилля.

¹² См. «Поворот оверштаг».

также находился под русским контролем и не имел в СССР никакой агентуры, за исключением военно-воздушного атташе при посольстве ГДР в Москве. Еще был «силовой компонент», два полка и семь отдельных батальонов спецназначения, по примеру русского осназа обученные работе во вражеском тылу и контрпартизанским действиям – десантники, диверсанты, егеря, в мирное время подчиненные даже не армии, а Штази, но помышлять о каких-то силовых акциях против СССР мог бы лишь сумасшедший, вроде того, кто был повешен в Штутгарте после процесса три года назад.

В результате беседы герру Эрхарду, несомненно выражавшему не свой личный интерес к этой проблеме, но живую любознательность влиятельных германских промышленников, вежливо дали понять, что нарушать существующий порядок не стоит. Выйдет себе дороже – тем более что русские добросовестно выполняли свои обязательства, и в части информирования союзников в том числе. Или, как сказал Рудински, достаточно общавшийся с советскими, «не буди зло, пока оно тихо».

Еще фельдмаршал вспомнил беседу, состоявшуюся 3 сентября, через неделю после американского атомного удара по Сианю. Командующий ГСВГ Черняховский представил ему прибывшего из СССР с инспекторской проверкой «генерал-лейтенанта Константинова» – не узнать первого заместителя министра обороны СССР маршала Рокоссовского, в обязанности которого входило командование союзными войсками в Западной Европе в случае начала войны, было трудно, но Красная Армия продолжала играть в любимые игры, маскируя таким образом своих военачальников. Ну да это их дело – каждый вправе обеспечивать секретность своими методами, лишь бы они были действенны. Главное было не в этом – маршал сообщил союзнику, что СССР планирует нанести ответный удар по одному из американских объектов на Дальнем Востоке ядерным боеприпасом мощностью в 500 килотонн, находящимся на принципиально не перехватываемом современной ПВО США носителе. Фельдмаршал был информирован о наличии в СССР ядерных боеприпасов мощностью от 20 до 50 килотонн; более того, однажды он даже присутствовал на испытаниях в Казахстане, но о наличии термоядерного оружия дорогие союзники «позабыли» сообщить, или же, если учесть «качественно новый носитель», слухи, сообщенные герром Эрхардом, были верны. И оставалось только пожалеть американцев – если бы фельдмаршал умел жалеть врагов.

Вернувшись в своих раздумьях к скучной, но жизненно необходимой экономике, Роммель констатировал наличие резкого контраста между положением дел в германских финансах и ситуацией, сложившейся в финансах Франции. «Займ освобождения»¹³, затем бесконечные американские кредиты помогли удержать экономику на плаву, но и только. Все деньги тратились на закупку американских же товаров вместо развития собственного производства, бросание разовых подачек бастовавшим рабочим, лишавшихся работы частично или полностью из-за американского импорта, и колониальные войны. В итоге постоянный экономико-социальный кризис стал обыденной жизнью лягушатников. Фельдмаршал Роммель не был экономистом – но, как истинный немец, считал, что жить надо своим трудом, а не существовать от подачки до подачки.

Разница в реалиях послевоенных Германии и Франции объяснялась принципиально разными подходами русских к немцам, с одной стороны, и англосаксов к французам – с другой. Русские взяли значительную часть репараций пакетами акций немецких предприятий – при том, что еще с двадцатых годов владельцами свыше 70 % акций германской промышленности

¹³ В нашей истории денежная реформа во Франции началась в конце 1944 года выпуском вышеуказанного займа, благодаря которому удалось «стерилизовать» 165 млрд франков из общей денежной массы, составлявшей 652 млрд франков. Далее, летом 1945 года начался неограниченный обмен старых купюр на новые, сокративший денежную массу на 30 %, до 444 млрд франков. И в завершение ратификация Бреттон-Вудских соглашений, после которого ставшая членом МВФ и МБРР Франция получила доступ к американским кредитам.

были американские корпорации¹⁴, и именно эту собственность янки СССР отобрал, целиком и полностью, в счет уплаты репараций¹⁵. Технически это было проделано с присущим русским изяществом медведя, грабящего пчелиные ульи, – предприятия ликвидировались, под предлогом «работы на войну против СССР» (а в Германии трудно было найти промышленное предприятие, не работавшее на войну); затем, на той же материально-технической базе, буквально через неделю-две, необходимые для решения юридических формальностей, оно воссоздавалось с тем же составом работников, но кардинально новым составом собственников – немецкие промышленники теряли в среднем треть акций, американцы – все и навсегда¹⁶. Вой американцев, назвавших случившееся «Великим русским ограблением», описанию не поддавался принципиально, что и понятно, поскольку стоимость конфискованного, по самым скромным оценкам, приближалась к 30 миллиардам долларов. В Германии же реакция была иной – злорадство по отношению к янки, привыкшим строить свое благоденствие на чужих бедах, дополнялось пониманием того, что свое никто уничтожать не станет, так что можно было рассчитывать на то, что победители не дадут пропасть ни промышленности Германии, ни ее работникам. Это отношение разделяли даже немецкие промышленники, резонно решившие, что если бы русские захотели их ограбить, то никто бы не помешал им отобрать все – треть же была, по общему мнению, суровым наказанием, но не грабежом. И ожидания вполне оправдались – промышленность была загружена заказами. Сверхвысокие налоговые ставки, введенные русскими в ходе налоговой реформы – суммарно налоги достигали 90–94 % – объяснялись необходимостью концентрации средств для решения задач восстановления и развития Германии¹⁷. Эти деньги тратились на обновление основных фондов, сиречь на разработку и производство более современного оборудования, финансирование перспективных исследований, решение социальных задач, прежде всего на восстановление разрушенного жилья и выплату репараций СССР в натуральной форме¹⁸. Сельскохозяйственные предприятия начали получать товарные кредиты – семенным зерном, минеральными удобрениями, горюче-смазочными материалами, запчастями и новой техникой. Отдавали они их своей продукцией – так и удалось сначала повысить нормы по карточкам, а потом и вовсе отменить их.

Русская экономическая политика сводилась к заполнению германского рынка германскими товарами, при обслуживании данного процесса финансами, находящимися под русским контролем. Важным отличием от похожей политики гитлеровского периода было то, что русские не только не делали ставки на «контролируемый дефицит», но методично вели дело к насыщению рынка товарами и услугами, поощряя частную инициативу в мелком и среднем бизнесе¹⁹. Французский же рынок в значительной степени заполнялся американскими товарами – и при этом французские финансы, находящиеся под американо-английским контролем, систематически утекали из национальной экономики. Все это обуславливало неуклонно увеличивавшийся разрыв в уровне жизни между Германией и Францией – понятно, не в пользу любителей лягушек. Такого французы простить не могли, но и сделать что-то реальное было не в их хилых силенках – вот и оставалось им исходить пеной из всех природных отверстий, беснуясь в бессильной злобе.

Доходило до того, что во французском Национальном Собрании раздавались воинственные призывы прийти и силой забрать все наше по праву – и контрибуцию, перед которой меркли аппетиты Бисмарка в 1871 году, и границы по Рейну. Примечательно, что сам де Голль

¹⁴ Соответствует реальной истории.

¹⁵ У нас это было, к сожалению, во много меньших масштабах, например, история с оборудованием завода «Опель».

¹⁶ У нас подобное провернули как раз американцы в Японии.

¹⁷ У нас это было в ФРГ.

¹⁸ Кроме последнего пункта, это все было в ФРГ, именно так создавалось «немецкое экономическое чудо».

¹⁹ Реальная практика ГДР при Э. Хоннекере.

отмалчивался, значит, не совсем дурак – с военной точки зрения гипотетический конфликт Франции и ГДР даже без участия великих союзников каждой из сторон не оставлял никаких надежд лягушатникам, увязшим в индокитайской войне, еще и принужденным тратить силы на поддержание порядка в африканских колониях, где черные возмутительным образом не желали работать на благо белого человека. Фольксармее состояло из пятнадцати кадровых дивизий, укомплектованных по штатам военного времени, и пятнадцати «дивизионных учебных центров» – кадрированных дивизий, с полными штатами офицерского и унтер-офицерского состава, а также комплектов вооружения и техники. В угрожаемый период они в течение недели превращались в полнокровные дивизии – пока что так были развернуты только пять, не хотелось призывать в строй высококвалифицированных рабочих из промышленности, тем более что острой нужды в этом не было. С учетом прошедшей реорганизации армии по русскому образцу, вместо прежней структуры 1+2+1 (один танковый, два панцергренадерских и один артиллерийский полки) для танковых дивизий, и 3+1 (три пехотных и один артиллерийский полки) для пехотных, к русскому правилу 3 + 1 + 1 + 1 (три танковых, мотострелковый, артиллерийский и зенитный полки – для танковых дивизий; три мотострелковых, танковый, артиллерийский и зенитный полки – для пехотных), ныне дивизия Фольксармее по своим боевым возможностям, даже не считая перевооружения на новую технику и освоения новой тактики, более чем вдвое превосходила соответствующую дивизию вермахта. Еще следовало учесть фольксмилицию, аналог прежнего ландвера и ландштурма, силы вооруженной охраны правопорядка, укомплектованные контингентом старших возрастов и с ограничениями по здоровью, но имеющими полноценную военную организацию и вооружение, вплоть до артиллерии и бронетехники – в военное время территориальные округа превращались в резервные дивизии, пригодные не только для гарнизонной службы и борьбы с партизанами, но и для решения фронтовых задач в не слишком сложной обстановке, что давало еще семнадцать дивизий. Итого сорок семь – и с учетом вышеназванного качественного превосходства, полностью развернутая Фольксармее была гораздо сильнее, чем вермахт 1 сентября 1939 года (59 дивизий, начало Польской кампании) – при том, что теперь русские были союзником, не надо было ни ждать от них удара в спину, как тогда от англо-французов, ни готовиться к последующей войне с ними, как уже тогда замыслил сумасшедший ефрейтор. И надо было обладать интеллектом французского парламентария, или такого их писака, как некий мсье Фаньер, чтобы вообразить, будто СССР окажется в стороне от германо-французской войны, если такая начнется! Ведь Советы вложили в ГДР немалый капитал, и никак не рискнут его потерей?

И русские уже показали свои намерения! К тридцати дивизиям ГСВГ (чье присутствие было давно установлено разведкой Атлантического Союза), буквально в последнюю неделю прибыло еще четыре. Заметно была усилена авиация – добавилась еще одна дивизия на МиГ-15, три полка ночных перехватчиков Як-25, два полка бомбардировщиков Ил-28. И не следовало сбрасывать со счетов даже таких союзников, как итальянцы – те, кто видел учения новой армии Народной Италии, не скрывали своего удивления, впрочем, Роммель припомнил, что в сорок четвертом и красные бригады гарибальдийцев, обученные и вооруженные Советами, показывали боеспособность, не уступающую вермахту. Сейчас итальянцы могли выставить двадцать одну дивизию, также «стандартизованного» шестиполкового состава – при том, что Муссолини в лучшие времена имел семьдесят три, но трехполкового (два пехотных, один артиллерийский) состава и несравненно худшего качества; еще наличествовало не менее пяти дивизий «народных карабинеров», сейчас занятых в основном на Сицилии, но также способных к поддержанию порядка в тылу; наконец, СССР имел в Италии, помимо авиации и Средиземноморской эскадры, еще две стрелковые дивизии и одну – морской пехоты. И восемь дивизий Венгерской народной армии также следовало учесть как реальную силу; были еще румыны и поляки – этих слать на фронт фельдмаршал бы не рискнул, но обеспечить оккупацию занятой территории, подавляя сопротивление недовольных, они были вполне способны. Не

исключена была даже такая экзотика, как китайцы – под эту марку русские еще два года назад вербовали в ГДР кадры офицеров и унтер-офицеров, кто бы согласился за хорошие деньги помочь с дрессировкой этих желтых обезьян до подобия армии – и судя по тому, что было в Синьчжуне (если там действительно работали китайцы), процесс дал хорошие результаты. В крайнем случае тоже для оккупации территории пригодятся, хотя бы английской, вот будет унижение спесивым лордам!

Так что план будущей войны был для Роммеля очевиден. Как можно быстрее занять территории Франции, Голландии, Бельгии, Португалии, Дании, Норвегии, высадиться в Англии, подавив сопротивление самым жестоким образом. Выйти к естественным границам европейского континента, не оставляя США ни малейшего плацдарма для высадки. После чего начнется второй этап – воздушно-морской. Который, возможно, через несколько лет завершится признанием янки существующего положения – их выбрасывают совершенно из Старого Света; если вам охота, сидите в своей «доктрине Монро».

Шарль де Голль

Президент Франции в эту ночь тоже не спал. Также сидел в своем кабинете, за столом, заваленным бумагами.

Отдельно лежали газеты – включая английские и американские, доставленные авиапочтой. Увидев заголовок на передовице «Вашингтон пост», де Голль поморщился, как от зубной боли.

Проведя в России почти год, при формировании корпуса «Свободной Франции», генерал достаточно пообщался с русскими, чтобы выучить не только язык, но и множество идиом. И слово «шельма», на его взгляд, наилучшим образом подходило к автору этой статьи, по недосмотру включенной секретариатом в список представляемого к прочтению первому лицу!

Этот месье Фаньер действительно был дальним родственником тому авиатору, погибшему еще в начале века при попытке пролететь между опор Эйфелевой башни (будучи в России, де Голль с удивлением узнал, что даже это событие оставило в русском языке след выражением «пролетая как фанера над Парижем»). Пойди месье Фаньер по пути своего родственника, это можно было бы лишь приветствовать – но угораздило же его заняться журналистикой! Сначала, в тридцатые, он был ярым сторонником «Огненных крестов», едва ли не большим антикоммунистом, чем сам глава, полковник де ла Рок²⁰. После позора Компьена месье Фаньер, только что кричавший о «смертной битве с бошами до последнего француза», немедленно предложил свои услуги режиму маршала Петэна и начал воспевать «древнее германо-франкское родство», «Европу, объединенную величайшим из немцев, рейхсканцлером Адольфом Гитлером», «долг французов доблестно сражаться за Еврорейх против монголо-еврейских большевистских орд, не жалея своей крови и самой жизни». Когда же пришло время освобождения, месье Фаньер сумел не попасться «партизанам последнего дня», любящим казнить нацистских пособников, не утруждая себя юридическими процедурами, и заявился в американскую комендатуру – не к небогатым англичанам и не к склонным вешать подобную публику русским, – где и предложил свои услуги янки. И абсолютно не брезгливые американцы охотно взяли «убежденного защитника демократии, борца с безбожным коммунизмом» к себе на службу.

Французский аристократ с фламандскими корнями, Шарль де Голль терпеть не мог бошей по целому ряду причин, в число которых входило и то, что его утонченность была принципиально несовместима с грубостью немцев и с их казарменным юмором, но иногда и его посещала мысль, что эту пишущую публику следовало бы отдать в распоряжение полусотни самых свирепых германских фельдфебелей для обучения страху Божию, приказав не считаться

²⁰ Примерный аналог немецких «штурмовых отрядов» СА: факельные марши, «бей левых и евреев» и прочее.

с потерями среди обучаемых. Примерно так же, как наемные инструкторы из ГДР в Маньчжурии дрессируют китайцев.

Словоблудие месье Фаньера после Сиани крутилось вокруг трех тем. Во-первых, красные никогда не посмеют нанести ответный ядерный удар по территориям, находящимся под управлением США, поскольку это будет означать начало Третьей мировой войны; во-вторых, Сталин не посмеет нанести удар по китайским городам, неизбежно приводящий к массовой гибели желтых, поскольку при заявленной у коммунистов интернациональной идеологии это неизбежно приведет к бунту в большевистской партии и отстранению Сталина от руководства СССР; в-третьих, если Советы осмелятся начать войну в Западной Европе, то их ждет неизбежный разгром – да, вначале красные будут продвигаться, большими потерями оплачивая каждый метр захваченной европейской земли, но затем, по мере того как лучшая в мире американская авиация, действующая с баз, расположенных в Великобритании, будет громить промышленные центры и транспортные узлы советского блока, монголо-германские орды сначала медленнее, а потом все быстрее и быстрее начнут отступать под натиском победоносных армий Атлантического альянса. И отдельным вопросом – есть ли у СССР атомное оружие, или же Сталин блефует, пытаясь выдать свое бессилие и страх за истинную мощь. После Шанхая месье Фаньер исчез из Франции, словно призрак, и вот теперь обнаружился за океаном, где выдает себя за «знатока и эксперта» европейских дел. Бегло просмотрев его очередной опус, де Голль не мог понять – неужели у американцев не нашлось умных людей, если они печатают вот это?

Если коммунистическая революция в России совпала по времени с мировой эпидемией испанского гриппа, то, как вопрошает месье Фаньер, не значит ли это, что коммунизм также сродни вирусному заболеванию, поражающему в мозгу и психике святые для каждого цивилизованного человека принципы «собственность, семья, религия, порядок»? Становится ясным быстрое распространение этой болезни. И Гитлер, оказывается, радел о благе всего человечества, желая всего лишь выжечь очаг заразы, но не учел, что даже германские солдаты, надышавшись в России инфекцией, также заразились и принесли болезнь в Европу, вместе с русскими ордами! Теперь в опасности весь мир – любой, кто общался с советскими или не признает их безусловное зло для цивилизации, тот потенциальный вирусоноситель и должен быть как минимум изолирован от общества. А самым лучшим выходом будет очищение зараженных территорий атомным огнем – ибо заболевшие уже не люди, а коммунисты.

Идиот! Но одно настораживало: в статейке прямо делался намек, что и сам президент нашей «Бель Франс» в войну слишком близко с русскими дело имел, а сейчас явно не спешит присоединиться к долгожданному «крестовому походу» против коммунизма, так не является ли и он?.. Ну, мы тоже по-всякому умеем, как в Лондоне в сорок втором²¹. Когда и если этот Фаньер появится во Франции, с ним всякое случиться может – много чести для такой фигуры официальный суд за оскорбление президента!

Проклятая Россия – если бы она была Мадагаскаром! Она, и только она виновата во всех бедах Франции, начиная со времен Наполеона! Сначала она предательски вышла из антигерманского союза прошлой Великой войны – и накал боев на Западном фронте породил массовый коммунизм уже не узкого круга левых интеллектуалов, а рабочих кварталов, это мировоззрение родилось из ненависти солдат, брошенных в мясорубку Вердена, Соммы и «бойни Нивеля», выжившие уже ничего не боялись на этом свете – и не могли терпеть контраст между полуголодным существованием их семей и вызывающей роскошью буржуазии. Затем маршал Фош сказал верно про Версаль: «Это не мир, это перемирие на двадцать лет», – но проклятые русские больше не захотели быть противовесом Германии, а вступили с ней в союз в тридцать

²¹ В нашей истории служба безопасности Сражающейся Франции де Голля в Англии похищала, пытала и убивала француз-эмигрантов, заподозренных в работе на британскую разведку «в ущерб французским интересам». Потребовалось личное обращение Черчилля к де Голлю, чтобы эту практику прекратить!

девятом. В итоге в сороковом мы должны были позорно капитулировать – а как быть, если в армии вынуждены были гораздо больше внимания уделять не боевой подготовке, а «искоренению коммунистической заразы», а в мае сорокового альтернативой сдачи Парижа немцам было возникновение в нем еще одной Коммуны. Затем между Гитлером и Россией все-таки вспыхнула война, но тут русские показали свою византийскую натуру: сначала своей кажущейся слабостью соблазнили добрых французов принять участие в Еврорейхе, а затем растерзали этот Еврорейх в клочья, да так, что участь Великой армии Наполеона показалась бы благом. Именно они не допустили Францию в число победителей на Конференции в Штутгарте 9 мая 1944 года – после, по воле США, нас туда все-таки включили, но как бы украдкой, неполноценно, капитуляция Германии перед прочими державами подписана, а с нами нет, и на все требования наконец подписать и договориться о выплате репараций – из Берлина слышатся в ответ лишь смех и угрозы! А Индокитайский кризис, куда именно русские так плеснули масла в огонь, что до сих пор не можем потушить?

Миром правит сила? Армия Четвертой Республики насчитывала сорок дивизий, плюс восемь американских и две британских, развернутых во Франции. Итого пятьдесят – против тридцати дивизий советской ГСВГ и пятнадцати Красного вермахта. Но имелись сведения, что боши могут в короткий срок развернуть еще пятнадцать дивизий резерва, так же как и СССР был в состоянии перебросить из своих внутренних округов от пятидесяти до сотни (оценки различались) дивизий, а еще были итальянцы, которые еще помнили, чьими когда-то были Савойя и Ницца, и вполне могли открыть фронт на юге. Итого на восточной границе советский блок мог выставить более сотни дивизий (а возможно, и полторы сотни) – больше, чем вермахт в сороковом. Когда в 1940 году остановить натиск бошей не смогла полностью отмобилизованная французская армия – 92 дивизии (только в метрополии), плюс десять английских, свыше тридцати бельгийских и голландских.

Сейчас же налицо были, как уже сказано, сорок дивизий. Вот только пятнадцать из них относились к колониальным войскам, где основой рядового состава в Индокитае были воинственные горцы-мео, исторически враждовавшие с вьетнамцами, а в Африке представители местных племен. Еще три «антипартизанские», сформированные на базе Иностранного Легиона, были достойными наследниками «карательного корпуса СС», бывшие вояки Достлера, по которым плачет петля за то, что они не только в России – в цивилизованной Европе творили; однако решено было, что пусть они сдохнут, принеся Франции хоть какую-то пользу. И лишь двадцать две дивизии были собственно французскими, из них двенадцать полного штата, а десять кадрированные. Причем тринадцать колониальных дивизий, три легкие антипартизанские дивизии и одна кадровая французская находились в Индокитае – и вытащить их оттуда в обозримые сроки не представлялось возможным. Еще две колониальных и одна кадровая дивизия, как и части Иностранного Легиона и морские пехотинцы, были заняты в Алжире и удерживали ключевые пункты на побережье африканских колоний, чтобы не потерять саму возможность восстановления полноценного контроля Франции над ними. Так что в метрополии находились всего десять кадровых и десять кадрированных дивизий. Что уступало по боевой мощи даже полностью отмобилизованному Красному вермахту.

Проклятые вьетнамцы – такова их благодарность за принесенную нами европейскую цивилизацию? Впрочем, и французский генералитет на волне победной эйфории 1945 года мыслил категориями прошлых колониальных войн. Мы знали, что в Хайфоне успели разгрузиться шесть советских транспортов, доставивших вовсе не леденцы для детей туземцев, но способность мятежников квалифицированно воспользоваться «подарками» была катастрофически недооценена. И никто не принял всерьез информацию, что на берег сошли и какие-то люди, тепло встреченные коммунистами – инструктора русского осназа.

Мы надеялись, что будет все, как на Мадагаскаре, когда генерал Галлиени, будущий герой Парижа 1914 года, привел остров к повиновению, из пяти миллионов местного населе-

ния, истребив больше двух миллионов²². Или как на том же Мадагаскаре в сорок седьмом, где вспыхнувшие было беспорядки были подавлены, быстро и жестоко. Тактика казалась безотказной и проверенной – французы контролируют важнейшие города и порты; колониальные войска занимают населенные пункты в охваченных мятежом провинциях; легкие части, усиленные значительным числом авиационной техники, ведут собственно антипартизанские операции. Охрана конвоев возлагалась на мелкие группы устаревших танков (включая такие раритеты, как «рено» еще прошлой Великой войны), поддержанные мотопехотой – считалось, что против необученных мятежников с легким оружием этого более чем достаточно.

Беда была в том, что такими вьетнамские повстанцы были в 1940 году – малочисленными, плохо организованными, без всякой военной подготовки, вооруженными старыми винтовками и пистолетами разных систем – украденными, купленными на «черном рынке», полученными через китайских контрабандистов. К 1945 году Вьетминь стал другим – политика японцев в Индокитае привела к взрывному количественному росту коммунистических отрядов, туда ушли иные солдаты и унтер-офицеры французских колониальных войск и попало какое-то количество французского и японского оружия. В Париже пребывали в благодушии, не веря, что этот сброд может всерьез противостоять регулярной армии, однако очень скоро после советских кораблей в Хайфоне пришла информация о тренировочных лагерях в джунглях, а уже в декабре 1945 года были замечены коммунистические отряды (именно коммунистические, при общей разнородности Вьетминя – подобно тому, как шесть лет назад в Италии русские охотно сотрудничали со всеми, кто против немцев, но накачивали оружием и инструкторами исключительно свои, красные бригады, которые даже присягу приносили «за дело Ленина – Сталина» и имели в штате комиссаров и политработников), вполне прилично обученные и единообразно вооруженные русским и немецким автоматическим стрелковым оружием, пистолетами-пулеметами ППС-43 и пулеметами МГ-42. При том, что прежде у Вьетминя «гочкисы» и «шоши» прошлой войны были великой редкостью – теперь же повстанцы имели и крупнокалиберные пулеметы ДШК, и 20-мм зенитки-«эрликоны», и гранатометы, русские РПГ и немецкие «панцерфаусты», и даже минометы, калибров 82 и 120 мм! И что еще хуже, умели все это применять!

Другой стали организация и тактика партизан. Теперь они подразделялись на местные отряды и ударные части. Первые занимались не столько войной, как поддержанием коммунистической власти в уже находящейся под их контролем местности, и принимали на себя первый удар при карательных операциях. А про вторые сказано выше – уже не ополчение, а вполне приличная легкая пехота, нечто среднее между европейскими и японскими частями такого типа (тактика, за счет обучения русскими, была вполне европейской, бедность материально-технического обеспечения приближала ее к японцам), натасканная на войну в джунглях, имевшая продуманную организацию и вооружение для этой войны. Поначалу таких отрядов у Вьетминя было мало – основной массой было классическое азиатское «пушечное мясо», чья тактика не поднималась выше атак «людскими волнами», а главной ударной силой были «добровольцы смерти», то есть саперы-смертники, расчищавшие закрепленными на телах зарядами взрывчатки проходы в обороне французских частей²³. Но с течением времени количество ударных частей росло, повышался уровень подготовки основной массы партизан. И была распространена практика, когда раненых ветеранов-«ударников» ставили командирами «территориальных» частей, и они вели с населением интенсивную боевую подготовку – по сути, превращая деревню в тренировочный лагерь, а всех ее жителей – в ополченцев Вьетминя.

²² Цифра реальная! Численность населения перед французским завоеванием и через двадцать лет после.

²³ Существовали в реальной истории. В Восточной Азии другое отношение к смерти, чем в Европе, поэтому комплектование таких подразделений, как и японских кесинтай, шло без проблем.

С начала 1946 года война пошла по совсем иному сценарию – ударные части мятежников блокировали гарнизоны колониальных войск, после чего посылали к ним парламентариев, предлагая свободный выход в обмен на сдачу им вооружения и военного имущества. Поначалу французские офицеры либо презрительно отказывались от этого предложения, либо вовсе приказывали расстрелять парламентариев. Тогда на гарнизон обрушивался массированный минометный огонь, затем мятежники шли в атаку, применяя правильную тактику русских штурмовых подразделений. Когда от предложения сдаться просто отказывались, коммунисты брали пленных; в случае расстрела парламентариев – нет.

Командиры блокированных гарнизонов по радио просили подмогу. Им высылали механизированные группы быстрого реагирования, состоявшие из танковых, мотопехотных и артиллерийских подразделений. Ввиду специфики рельефа Индокитае выдвигаться они могли только по дорогам. Считалось, что не следует особо бояться засад – так как повстанцы бессильны против бронетехники, пусть и не самой современной по европейским меркам. Так было прежде – теперь же колонны попадали в хорошо подготовленные засады, где танки, бронеавтомобили, грузовики и артиллерийские тягачи подрывались на минах, уничтожались огнем «панцерфаустов», в кузова летели реактивные гранаты русских «рысей», выпрыгивавшие из машин пехотинцы попадали под перекрестный огонь из автоматического оружия. Огромны были потери офицерского состава – у хошиминовцев нашлись подготовленные снайперы, открывшие настоящую охоту на французских офицеров. Сделать с этим ничего не получалось – в заросшем джунглями Индокитае удобных мест для организации засад было столько, что проверить каждое значило гарантированно опоздать.

Усиление тревожных групп привело к совершенствованию тактики мятежников – теперь они ставили управляемые минные поля из старых артиллерийских снарядов, метод саперов еще Первой Великой войны, модифицированный для условий засад во влажных тропиках. На обочине закладывалось сразу несколько десятков фугасных снарядов калибра 105 или 150 мм, вместе с вышибными зарядами, соединенными детонирующим шнуром – с расчетом на одновременные взрывы в воздухе на высоте 3–4 метров, как у немецких выпрыгивающих «шпрингмин», во время проезда колонны, на всем ее протяжении. Разумеется, саперам коммунистов приходилось приложить большие усилия, чтобы все это соорудить, но у вьетнамцев хватало рабочих рук и усердия, а результат себя полностью оправдывал, практически все пехотинцы и артиллеристы оказывались убиты, ранены или контужены, а оказавшаяся без пехотного прикрытия бронетехника, зажатая на узкой дороге под перекрестным огнем гранатометчиков, была обречена.

После чего перестали быть редкостью случаи сдачи блокированных гарнизонов. Коммунисты повели себя вполне разумно, честно отпуская сдавшихся, – и оказавшиеся перед дилеммой: героически умереть в безнадежном бою или остаться в живых бросив оружие, солдаты и сержанты колониальных войск все чаще выбирали второе. Причем было известно, что ранее проявивших усердие в усмирении мятежников в плен не возьмут – а особо «отличившихся» ждет даже не расстрел, а что-то более жестокое. В результате дисциплина в колониальных войсках падала, а «закручивание гаек» приводило к тому, что участились случаи дезертирства и перехода на сторону коммунистов. Причем были отмечены случаи, когда дезертировали даже немецкие «легионеры»!

Карательные операции по умиротворению мятежных деревень, проводимые в стиле ваффен СС (как уже сказано, в составе «антипартизанских» частей было множество бывших эсэсманов), давали обратный результат – что у месье Хо Ши Мина не было проблем с новобранцами. Мало того, коммунисты ответили террором против французов в Индокитае, методично вырезая семьи французских плантаторов, чиновников, торговцев, технических специалистов. Фактически созданная система колониального управления на Севере оказалась парализован-

ной, поскольку приставить надежную охрану ко всем, кому угрожала опасность, было физически невозможно.

Не оправдался и расчет, что пусть и значительные запасы вооружения и боеприпасов, переданные месье Хо Ши Мину русскими, при столь интенсивных боевых действиях быстро истощатся. Уже в начале 1946 года французская разведка выявила так называемый «контрабандный экспресс». Переброской оружия и боеприпасов по каналам профессиональных контрабандистов – а этот бизнес в Юго-Восточной Азии имеет более чем тысячелетнюю историю – занялась корейская мафия кындаль. Оставалось тайной, на каких условиях русские договорились с корейскими криминальными кланами, но факт оставался фактом, поток оружия и боеприпасов из советской сферы влияния буквально хлынул к мятежникам. Спецслужбы здесь были бессильны – криминальные кланы Азии строятся строго на принципах родственных связей и землячества, у чужака нет ни малейшей возможности туда проникнуть. Срочно организованная береговая охрана была малоэффективна – во-первых, проверить тысячи джонок, ежедневно ходящих по морю в этом районе, физически невозможно, во-вторых, после первых успехов французских пограничников джонки с грузами пошли под охраной вооруженных моторных джонок и быстроходных катеров, имеющих не только крупнокалиберные пулеметы, но и 20-мм «эрликоны». Проблему усложняло всеобъемлющее проникновение криминальных элементов в туземную часть колониальных структур – о каждом выходе в море катеров и патрульных кораблей противник узнавал заранее. Конечно, что-то удавалось перехватить, но, судя по тому, насколько уверенно действовали мятежники Вьетминя, вряд ли это была хотя бы десятая часть грузов.

И была еще одна наглая акция русских, в сорок восьмом. Когда пароход «Сясьстрой», следовавший из Одессы во Владивосток под флагом вспомогательных судов ВМФ и в сопровождении новейших эсминцев «Опасный» и «Отчаянный», в условиях плохой погоды и видимости «сел на мель» у вьетнамского побережья. Причем на месте тут же оказалось большое количество джонок, для помощи «выгрузить часть груза на берег для облегчения судна». Так как погода и впрямь была плохой, в штабе береговой охраны узнали о происшествии с опозданием – и русские эсминцы не дали приблизиться патрульным катерам, угрожая открыть огонь, а когда наземные части все-таки добрались по месту высадки, то обнаружили лишь многочисленные обломки деревянной тары и обрывки бумаги в оружейной смазке. На ноту протеста СССР ответил издевательским встречным требованием возместить стоимость груза, злодейски растащенного местным населением. После чего Франции пришлось постоянно держать во вьетнамских водах сильную эскадру, во избежание повторения подобного. Что отнюдь не облегчало тяготы военных расходов для французской казны.

Провалилась и попытка перебрасывать осажденным гарнизонам подкрепления по воздуху, используя в качестве транспорта вертолеты, а в качестве «летающих батарей» – пикировщики «Доунтлесс». Американские вертолеты «Белл-47» были совершенно не защищены броней, безоружны и могли перевозить всего лишь двоих пассажиров. Они сбивались даже огнем ручных пулеметов, не говоря уже об имевшихся у повстанцев крупнокалиберных ДШК и 20-мм зенитках; «слепая» бомбежка джунглей, за редкими исключениями, была пустой тратой авиабомб. Поскольку конечные пункты их прибытия, в случае блокирования партизанами гарнизонов, были очевидны, потери в вертолетах были просто кошмарными. Французские инженеры работали над созданием более тяжелых машин, на которых можно было перебрасывать 6–8 десантников в полном снаряжении и установить пару пулеметов в дверях, на турелях, чтобы они не были вовсе уж беззащитными мишенями, но их работы были далеки от завершения, не говоря уже о серийном производстве²⁴.

²⁴ Будущее семейство «Алуэтт», в реальной истории конец 50-х годов.

Вместо вертолетов пытались использовать «Дугласы Си-47». При наличии рядом ровного места коменданту гарнизона не трудно мобилизовать население, чтобы расчистить полосу. Так же как и партизанам – заранее выставить там мины или поставить в лесу батарею минометов. Приходилось каждый вылет прикрывать звеном штурмовиков, и то не было гарантии. Немногим лучший результат дало применение парашютистов: рассеянные при приземлении, оказавшиеся в джунглях, кишаших партизанами, одиночки были обречены. Массированные бомбежки с поставленных американцами В-17 по деревням, отмеченным на карте как «партизанские» (если там не значилось французского гарнизона) привели к совершенно неожиданному результату: голоду в городах. Ведь если нет работающего сельского хозяйства, то в стране нечего и есть? Принудительное переселение крестьян в места, удобные для подавления бунтов, проблему не решало: можно переместить людей, но не поля. Пришлось прибегнуть к импорту продовольствия, чтобы кормить лояльное городское население, что легло добавочным бременем на французскую казну.

А еще износ авиационной и прочей техники в жарком и влажном климате превысил все допустимые нормы. Ржавел металл, гнила электропроводка, отслаивалась краска (что резко ускоряло коррозию и гниение), машинам требовалось вдвое более частое регламентное обслуживание, аварийность и небоевые потери зашкаливали – это не было заметно прежде, в мирные колониальные времена, но при размахе боевых действий стоимость одного дня войны против «проклятых туземцев» была как при полноценном наземном конфликте в Европе. Становилось понятно, отчего нищая Япония, у которой армия была «заточена» на боевые действия как раз в таких регионах, столь пренебрежительно относилась к технической мощи. Потому что в мокрых джунглях вне дорог (а особенно в сезон дождей) хорошо подготовленный легкий пехотинец с минометом или базукой по критерию «стоимость-эффективность» превосходил танк!

Война стала проклятой бездонной бочкой, поглощающей ресурсы. И очень непопулярной в обществе – первоначальный имперский угар быстро сошел на нет. В частях, посылаемых во Вьетнам пополнением, дезертирство было на уровне войск Еврорейха, отправляемых на Восточный фронт после Сталинграда. Доходило до того, что осужденным преступникам предлагали контракт в Индокитай как замену каторги. Пока спасением была лишь вербовка солдат из малых народностей, вроде уже упомянутых горцев-мео, но по французской традиции туземцы категорически не допускались на посты выше сержанта или максимум командира взвода, а среди французского офицерства назначение в Индокитайскую армию воспринималось как самое тяжкое из наказаний. Война стала гирей, тянущей Францию ко дну, деморализующей общество, подрывающей экономику, расстраивающей финансы. Но она не могла быть прекращена – это стало бы окончательным отказом Франции от статуса одной из Великих держав. Де Голлю так и слышался оскорбительный хохот из-за Рейна:

– Вы даже вьетнамцев победить не можете, а требуете подписания капитуляции от нас? Наверное, в этом веке бог решил, что французская армия нужна лишь затем, чтоб даже туземцам было кого бить!

Де Голль знал о «высоких» боевых качествах танка АМХ-13. Но финансовые соображения играли решающую роль: нужна была исключительно дешевая машина. Также у Франции не было денег на закупку современных реактивных истребителей – фирма Марсель-Дассо предлагала «модель 450», он же «Ураган», примерно равноценный американским Ф-84, но средств на заключение контракта не нашлось. Казну опустошила Индокитайская война. Финансовая катастрофа была бы неминуемой еще год назад, если бы не американские кредиты. И страшно было представить, сколько придется расплачиваться с добрым дядей Сэмом – детям, внукам и правнукам живущих сейчас французов.

И при таком состоянии экономики, финансов, армии и общества еще и начинать большую войну в Европе? С сильнейшим противником, имеющим мощную армию, уже стоящую на твоей границе? При неискорененной «пятой колонне» (коммунистах и прочих левых) в

собственном тылу (а ведь начни сейчас их искоренять, это точно вызовет сначала открытый мятеж, затем вторжение). Понятно, что американцы будут настаивать – как на той листовке, в сорок третьем, немец, опасливо пригибаясь, выпихивает из окопа француза под русские пули – «вперед, камрад, в атаку, за Еврорейх». Так ведь янки плевать на Прекрасную Францию, она для них лишь расходный материал! А вот ему, генералу де Голлю – нет! Что бы про него ни писали левые, но он считал себя искренним патриотом, любящим свою страну.

«Президент-акт», говорите? И ваши люди во всех ключевых министерствах? Как зверя меня обложили. Вот только сейчас – ни сместить, ни убить меня не можете. А если я сам скажу, что подаю в отставку – мистер Кэффери, ваш посол, меня еще на коленях упрашивать будет этого не делать! Поскольку ни ваша цепная собачка, Поль Рамадье, вашими стараниями севший на пост премьер-министра, ни другой ваш песик, Анри Рибьер, шеф контрразведки SDECE (который в посольство США на доклад ездит чаще, чем ко мне, в Елисейский дворец), ситуацию под контролем не удержат!

Достаточно вспомнить, что было два года назад, в сорок восьмом. Когда из правительства вышвыривали министров-коммунистов²⁵. В ответ получили всеобщую забастовку, организованную красным профсоюзом CGT²⁶ – в результате и так едва живая экономика была парализована, правительству пришлось идти на существенные уступки бастующим в части рабочего законодательства, непосильные для почти пустой французской казны, чем расплатились – ну конечно, спешно взятым американским кредитом!

Срочно проведенная американцами операция по расколу CGT с изоляцией прокоммунистических профсоюзных деятелей, с треском провалилась – в течение какой-то недели по умеренным профсоюзным лидерам, склонным прислушаться к голосу разума, прошла настоящая коса смерти: их просто отстреливали, как куропаток на охоте, ликвидировав наиболее влиятельных сторонников компромисса с союзниками и правительством²⁷. Оставшиеся были поставлены перед выбором: либо они дисциплинированно следуют линии ФКП, либо выходят из профсоюза и эмигрируют, либо ничто земное им больше не понадобится – вопрос лишь в сроках. Как заметил самый известный из сторонников компромисса, из числа оставшихся в живых, в беседе с месье Фуркадом, заместителем директора SDECE: «Месье, предоставить защиту от пули снайпера не в состоянии даже ваше ведомство, а я не могу руководить профсоюзом, сидя в бетонном бункере. Так как мертвецу не нужны даже самые большие деньги, то я выбираю эмиграцию в Квебек».

Рассматривавшийся тогда же план организации ответного террора против коммунистических функционеров был отвергнут англосаксами. Первое же убийство крупного коммунистического деятеля немедленно вызвало бы всеобщую забастовку; задействовать для ее подавления армию было нельзя, из-за реальной угрозы бунта уже в войсках; использование рот республиканской безопасности, укомплектованных людьми ультраправых взглядов, привело бы к началу уличных боев в крупных городах, с непредсказуемыми последствиями. Поскольку военизированная структура у левых уже была: под эгидой все того же CGT массово создавались спортивные, автомобильные, стрелковые клубы, в которых бывшие партизаны преподавали молодежи искусство малой войны. И хоть юго-восток Франции был наконец освобожден от русской оккупации – никто не сомневался, что Советы провели там свою подрывную работу, оставив и агентуру, и оружие, и каналы связи и финансирования. По самой скромной оценке, красные уже тогда, два года назад, могли выставить 20–25 тысяч неплохо обученных, имевших

²⁵ В реальной истории, 1947 год, в альт-истории ФКП гораздо более сильна и влиятельна, так что на подготовку потребуется больше времени.

²⁶ В реальной истории забастовка на заводах «Рено».

²⁷ В реальной истории, наоборот, ЦРУ успешно провело операцию по расколу CGT, сумев создать проамериканский профсоюз FO, за счет чего было резко ослаблено влияние ФКП; на финансирование руководства FO в начале 50-х годов ежегодно выделялось свыше миллиона долларов.

опыт партизанской войны, мотивированных до фанатизма боевиков, которые в случае войны с СССР должны были стать костяком настоящей подпольной армии, насчитывающей никак не менее 100 тысяч человек.

А поскольку с тех пор положение в экономике стало лишь хуже, а молох Индокитайской войны успел пожрать множество новых жертв, то ситуация еще взрывоопаснее, чем в сорок восьмом! Число недовольных увеличилось – и что начнется, объяви завтра всеобщую мобилизацию, «опять на Остфронт», легко предвидеть. Будет еще хуже, чем семнадцатый год в России – и «Ленин», месье Торез наготове, причем у него есть армия, готовая поддержать.

После чего наступит кровавый кошмар. Американцы без колебаний нанесли атомный удар по своей же авиабазе, захваченной красными. А в прошедшую войну большинство разрушений и жертв на французской территории было не от разгрома сорокового года и не от оккупации, а именно от «дружеского огня» англичан и американцев, прокатившихся по Франции как ураган. И что упадет на Париж, когда его захватят коммунисты? И на другие французские города – это ведь не Москву пытаться бомбить?

Но надо что-то решать! Поскольку по тому же «президент-акту» реально французской армией распоряжаюсь не я, а командование Атлантического Союза, то есть американские генералы! И не только в Европе. Упомянутые уже попытки во Вьетнаме воевать «аэромобильно» имели результатом наличие в Ханое парашютно-десантного полка Иностранного Легиона, который американцы настоятельно хотят одолжить, и не просто для участия в китайской авантюре, а для штурма той самой злополучной авиабазы, которую сами же блистательно про***ли! А ведь к гадалке не ходи, там не одни китайцы, но и русские есть. Висельников из бывших СС не жалко – так ведь Сталин французское участие совершенно однозначно воспримет. А сталинское чеканное «своей крови мы не прощаем НИКОМУ» было продемонстрировано только что и именно там. Да как! Нью-Шанхай испепелен вместе с американской дивизией и кораблями, Чан Кайши был назначен Сталиным ЛИЧНО ответственным, когда наши американские «друзья» вместе с Мао своей сверхбомбой «случайно» прихлопнули в Сиани полсотни красных... А после Синьчжуна и совершенно непонятной в своем упорстве американской атаки на советские корабли... дальше – что?! Мало нам Индокитайской войны, так еще не только в Китайскую, но и в Третью мировую влезать? Причем далеко не факт, что на стороне победителя – опять Еврорейх?

И генерал де Голль стал набрасывать на листке бумаги свое завтрашнее обращение к французской нации.

Надеюсь, в Вашингтоне не решат бомбить Париж немедленно, как только услышат? Это даже для нации потомков каторжников, воров и пиратов чересчур!

Из речи президента Франции Шарля де Голля, произнесенной по радио утром 15 сентября 1950 года

Французы! Соотечественники! К вам обращаюсь я в этот нелегкий для нашего Отечества час!

Наша Прекрасная Франция многие века была одной из великих европейских держав. Светочем и средоточием цивилизации и культуры. Когда Германия и Россия пребывали в варварстве, а американский континент был населен краснокожими дикарями. За эти столетия мы знали и взлеты, и падения, но никто не смел усомниться в нашем статусе одной из первых держав мира! Мы только что вынесли самую ужасную войну – и вышли из нее с победой! Но сейчас, всего через шесть лет мира, речь идет не об «имперских амбициях», а о самом выживании нашей страны, нашего народа!

В мировой политике нет друзей – есть интересы. Вчерашние союзники – становятся врагами. В 1943 году в Ленинграде Сталин заверял меня в дружбе, «ради того, чтобы нашим детям не пришлось через двадцать лет снова рыть окопы, отражая германскую угрозу». Прошло всего

семь лет – и вот на нашей границе стоит объединенная русско-немецкая армия, готовая на нас напасть ради расширения советского влияния дальше на запад. Америка сделала много для того, чтобы мы могли подняться после разорительной войны, но сейчас она, из своих эгоистических интересов, требует от нас невозможного. Участия в войне – Франции абсолютно не нужной. Точно так же, как Гитлер втянул несчастного Петэна в Еврорейх. Так я спрашиваю вас, французы – хотите ли вы опять на Остфронт, где вас ждет новый Верден или Днепр? Или мы вспомним наконец, что Франция – не Гватемала, и у нее есть свои, а не американские интересы?

США утверждают, что они это первая военная держава мира? Но как верно пишет британский «Милитари Обсервер», оказалось, что доблестная американская армия даже с китайцами не может воевать без атомной бомбы! А «всесокрушающая воздушная дубинка» оказалась картонной, если пытаться применить ее против сильной ПВО. Нам обещали короткий воздушный блицкриг, когда мирное население даже не замечает, что их страна ведет войну – насколько это реально, посмотрите на Китай, что же будет в войне против СССР?! Нет – новая война будет еще более долгой и ужасной, с такими же кровавыми битвами на суше, в воздухе и на море – только еще и с применением атомных бомб всеми воюющими сторонами! И мы, по чисто географическим причинам, оказываемся на переднем крае этой войны – повторяю, совершенно нам не нужной! Нас, против нашей воли, просят занять место в первых рядах сходящихся фаланг, где шансов выжить нет даже теоретически. Все помнят, каким смертоносным ураганом прокатилась по Франции Великая война, сколько жертв и разрушений она принесла. Эта будет еще страшнее!

Оттого я сделал выбор. Сохраняя верность Франции западным цивилизационным ценностям и заверяя США и Англию в нашей искренней дружбе, я заявляю о выходе Франции из Атлантического Оборонительного Союза и аннулировании наших соответствующих обязательств. И требую от Соединенных Штатов вывода с нашей территории своих войск и военных баз. Также, как Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Франции, я заявляю, что приказы любых командных структур Атлантического Оборонительного Союза для французских военнослужащих не имеют никакой силы. Франция намерена самостоятельно строить свою внешнюю и внутреннюю политику и сама заботиться о своей безопасности. Мы хотим жить в мире со всеми соседями, как на западе, так и на востоке – и заверяем, что с нашей земли им не стоит опасаться угрозы войны. Но на вторжение, с чьей бы стороны оно ни последовало, наш ответ будет единым – каждый француз будет отважно защищать свою землю! Я надеюсь, что перед угрозой нашей национальной безопасности все внутренние политические разногласия отойдут на второй план. И призываю к сотрудничеству все здоровые политические силы.

Также я подтверждаю, что Франция сохраняет верность всем невоенным – торговым, финансовым, экономическим договорам. Свято почитает незыблемый принцип частной собственности и чтит нашу святую веру. Собственность, семья, религия, порядок – вот то, ради чего стоит жить!

Через час.

Де Голль и Джо Кэффери, посол США

– Господин президент, вы понимаете, что только что подписали смертный приговор своей стране?

– Это надо понимать как военную угрозу, господин посол?

– Нет, господин президент, как вопрос. Прекрасная Франция решила расторгнуть наш союз и пуститься в вольную жизнь? Но тогда простите, дядя Сэм вовсе не заинтересован и дальше оплачивать ее счета. И, больше того, намерен предъявить к оплате все накопившиеся. А ведь кроме кредитов, есть так и не востребованный долг по репарациям Еврорейха. В вопросе об уплате которого, я напомним, нас самым активным образом поддержат британцы. И что вый-

дет в сухом остатке – Франция, полный и абсолютный банкрот, еще больше, чем Османская империя в последние ее годы. По миру пойдете, лягушатники. С протянутой рукой. И вы, и дети ваши, и внуки ваши – работать будут исключительно на ваш долг. Вы нам всю сумму уплатите, и проценты, и проценты на проценты – до конца века вам расплачиваться, следующего, даже не этого! Как вам такая перспектива?

– Господин посол, вы – мужлан. Не только грубый, но и глупый, если не видите очевидного. Если вы лишь попытаетесь все это осуществить – Франция просто взорвется, как Россия семнадцатого года. После чего коммунистический блок выходит к берегам Атлантики. Как вам такая перспектива?

– Думаю, господин президент, этого прежде всего весьма не одобрит так называемое «французское общество». К которому вы обращались с вашим «собственностью, семья, религия, порядок».

– А меня здесь уже не будет, господин посол. Я подаю в отставку – пишу мемуары и из своего родового имения смотрю, как вы сами пытаетесь разобраться с коммунистами. Вам даже свергать меня не потребуется – думаете, я не знаю, что вы позавчера с месье Рибьером обсуждали? А если, ко всему прочему, будет лишь намек, что я оставил пост не по своей, а по вашей воле, а то и, не дай бог, если я буду убит – начнется такое!

– Ну, и чего вы хотите?

– Чтобы и персонально вы, и те, кто в Вашингтоне, поняли: или я, или коммунисты! Если вас категорически не устраивает второе – то вы будете должны обеспечить мне стабильность, в том числе и финансовую. То есть продолжать исправно оплачивать все счета Бель Франс. И уж простите, но чем скорее вы уберете отсюда свои войска, тем лучше будет и для вас! Или вы все-р-ез верите, что ваши жалкие восемь дивизий, вместе с парой британских, сдержат стальную лавину Советской армии и Красного вермахта, если в Москве и Берлине решат прогуляться до Ла-Манша?

– Есть еще наша собственность, оставленная вам на хранение по плану «Чертополох». Обеспечивающая развертывание пятидесяти дивизий, в том числе десяти танковых.

– Господин посол, вы арифметикой владеете? Оставим за скобками, что там полно устаревшего хлама вроде не модернизированных «шерманов». Допустим, завтра будет объявлена война – и в соответствии с вашим мудрым планом вы у себя в Штатах соберете личный состав этих пятидесяти дивизий, где-то около миллиона человек. На это у вас уйдет минимум месяц – и еще столько же на переброску через океан. Затем три-четыре месяца обучения (ведь многие рекруты уже свои военные специальности забыли) и боевого слаживания – и это я называю еще предельно оптимистические цифры! Итого ваши пятьдесят дивизий появятся на фронте не раньше чем через полгода, а русские и немцы все это время будут на границе терпеливо ждать? Единственная реальная ценность этих запасов – стать источником пополнения, когда наши промышленные центры будут уничтожены ядерными ударами, а молох новых «верденов» потребует непрерывного питания оружием. Что при этом будет с Францией, мне страшно представить – если в Первую Великую войну наши людские потери были ужасны, а ведь тогда германцы почти не бомбили наши города в тылу! Простите, господин посол, но при войне между вами и русскими Франции выпадает одно – быть вашим авангардом, обреченным на смерть. А это нас не устраивает категорически!

– А если русские нападут, соблазнившись ослаблением вашей обороны после ухода американских войск?

– Я имею сведения, что Сталин сказал месье Торезу, что Советская армия поддержит все-народное восстание против империализма, но не коммунистический путч. И надеюсь разумной внутренней политикой сохранить во Франции классовый мир. Пока мне это удастся: коммунизм остается верой французского пролетариата, но не всей Франции! Конечно, если при этом мне не будут мешать! И вы наконец поймете, что Франция это ключевой форпост «свободного

мира» против коммунистической экспансии. Не только существование, но и процветание которого жизненно важно и для вас, если вы не хотите эффекта домино. Если не удержимся мы, то очень скоро красные придут к власти и в Испании, у сеньора каудильо с коммунистами какое-то сердечное согласие возникло. И в Голландию с Бельгией уже активно проникает красная зараза, судя по сотрудничеству деловых кругов тех стран с ГДР. Боюсь, что и Англия тогда удержится недолго. И это будет без всякой войны – неужели вы не поняли, что Сталин оказался гораздо умнее, чем мы от него ожидали? Не «мировая революция» на штыках Красной Армии, а экспансия и взятие под контроль – как мы сами поступали с Камбоджей и Лаосом!

– Ну и как вы намерены этому препятствовать?

– Я же сказал – «собственность, семья, религия, порядок». Каждый француз в душе индивидуалист, ему категорически не подойдет сама идея русских колхозов. В сытое мирное время – при «обострении страданий», как верно заметил Маркс, возможно всё. Потому, я повторю – чтобы Франция осталась процветающей витриной свободного мира, это не только мой, но и ваш интерес.

– Я передам ваши предложения в Вашингтон, господин президент. Не знаю, как там к ним отнесутся.

– Надеюсь, что с умом. И самое неотложное – это вывод ваших войск! В напряженной обстановке возможен любой инцидент – и ситуация выйдет из-под контроля.

– Вы имеете в виду, если на границе кто-то выстрелит первым?

– Не только это, господин посол. Может, вы и забыли, как ваши солдаты, войдя во Францию, вели себя здесь как в завоеванной вражеской стране. Считая хорошим тоном устроить погром в ресторане или магазине в ответ на просьбу заплатить. И ни одна приличная мадемуазель не могла выйти на улицу без риска подвергнуться насилию. А что такое «хаулиганизм», вы тоже забыли? А вот мы помним хорошо!

Восток Франции, южнее Нанси.

Вечер 15 сентября 1950 года

– Эй, Боб, ну хватит уже! От твоей губной гармошки у меня зубы болят. Пиликаешь, как гунн.

– Джо, ну а что мне делать? Как начнется, буду подавать снаряды. Ну а пока мне скучно сидеть – потерпи.

Наводчик лишь ругнулся. Мода на губные гармошки перешла в Армию США от побежденных немцев. Почти каждый пленный гунн имел в кармане этот инструмент, который, если не был отобран при обыске, то очень скоро подлежал обмену на еду или сигареты. Ну а что было делать новым хозяевам с обретенной собственностью? Наиболее ушлые у тех же немцев уроки брали – вот так и получилось, что песни, которые исполняли янки, тоже нередко были немецкими. Как та, которую вымучивал сейчас Боб, пытаюсь превзойти рев танкового мотора за броневой перегородкой.

– Да здравствует война. Она одна – способна сделать интересной нашу жизнь...

В ту войну было проще – заряжающим обычно негра ставили. Поскольку работа самая физически тяжелая и нервная – когда «тигр» уже разворачивает на тебя башню, а в твоём стволе нет снаряда, что орут заряжающему наводчик и командир? Но теперь прислали в экипаж не новобранца, а матерого сержанта, в возрасте за тридцать, сам здоровенный, едва на свое место влез, кулаки как кувалды, на груди «серебряная звезда», «пурпурное сердце» и еще две медали – и на поганейшую должность заряжающего, не иначе проштрафился парень по крупному? Тихим старается быть – если его не задевать. Как неделю назад в баре, с ребятами из 13-й пехотной поспорили – и ведь Боб ни слова до того не сказал, смирно сидел, а после вдруг вскочил – и двое лежать остались, а еще кто-то скулил, отползая, и еще собственности заведения ущерб нанесен, и каким-то лягушатникам попутно влетело; причем Боб один натворил

больше, чем все прочие парни, вместе взятые! Лучше с ним не спорить – уши, что ли, заткнуть, а то даже в танкошлеме и сквозь рев движка как будто мозг сверлит на одной противной ноте!

Майор, командир батальона, слушая эту перепалку, лишь усмехнулся. Его зудеж гармошки совершенно не задевал, наверное, по причине полного отсутствия слуха. Зато показывало высокий боевой дух подчиненных – как и он, ждуть, ну когда же начнется?

Отсюда до Москвы полторы тысячи миль. Грубо считая, пятнадцать заправок танка «Паттон» и столько же ходовых дней. Считая возможное сопротивление русских – ну, умножим на два, даже на три. Все равно выходило – успеем начать и закончить до пресловутых морозов. Поскольку танковая дивизия армии США по боевой мощи превосходит танковую группу вермахта сорок первого года (при немного меньшей численности, но качественном превосходстве техники). А таких дивизий у Америки было не четыре (как немецких танковых групп, дошедших до Москвы и Волги), а двадцать! Правда, гунны на старт вышли в июне и от польской границы, а сейчас сентябрь, и мы еще на Рейне – так разве германские неудачники пример для нас, самых крутых парней и лучших солдат?

Майор тоже был ветераном. В кампанию сорок четвертого он состоял лейтенантом-порученцем при штабе самого великого Паттона – и хорошо помнил славные победные дни, когда доблестная американская армия шла на восток, едва успевая догонять удирающих немцев – и это те самые страшные гунны, что на всю Европу ужас навели и на русских тоже? А лишь появилась «кавалерия из-за холмов», непобедимая Армия США – и враг бежит, не успевая штаны стирать! И сколько до того шума было, «угроза всей цивилизации», страшная нацистская угроза, но пришли brave американские парни – и мир спасен! Причем не сказать, что с чрезмерным превозмоганием и большими потерями!

Паттон считал, что от Рейна до Москвы – вполне нам по силам! Правда, за полгода. Но если просто взять расстояние на карте и примерить темпы, с какими мы тогда шли по Франции, ну внести поправку на сопротивление материала? Майор (тогда еще лейтенант) имел честь присутствовать при допросе самого Манштейна, лучшего из германских полководцев, автора плана разгрома Франции в сороковом, всего за три недели! И этот величавый седой герой сказал:

– Мне совсем немного не хватило разбить проклятых русских. Я был побежден не гением их полководцев, и даже не бесчисленностью их орд, а безжалостным «генералом Морозом». Зима в России это что-то ужасное для цивилизованного человека. Потому запомните и запишите – воевать с Советами можно лишь в теплый сезон! Надеюсь, что вы окажетесь успешнее меня.

Майор вспоминал русских солдат, увиденных им тогда же в сорок четвертом. В поношенной форме, нередко немолодые, имеют вид совсем не молодцеватый – похожи не на храбрых героев-победителей, а на работяг, только с завода, после тяжелой смены! А вот американские парни рядом с ними хоть на обложку комикса рисуй – все молодые, сытые, во всем новеньком и блестящем – ясно, кто на роли победителей должен быть по праву! И что именно эти потертые мужики, а не brave ребята из Штатов завладели двумя третями Европы, в том была вопиющая несправедливость – ничего, мы это сейчас исправим! Ведь если уже тогда Советы должны были ставить в строй стариков «за тридцать», а герр Манштейн рассказывал, что гунны творили в России – ужасно, но мы должны были лишить славян человеческого материала! – то сейчас у дядюшки Джо должны быть большие проблемы с набором в армию! Так что и «бесчисленных орд» не должно встретиться на пути!

Прочих же можно было и не брать в расчет. Ясно, что немцы, покоренные и униженные русскими, при первых же наших победах восстанут и перейдут на нашу сторону! Ну а всякие там поляки, румыны, итальянцы – да пусть хоть под ногами не путаются, а то им же будет хуже!

– Эй, Боб! – снова подал голос наводчик. – А отчего тебя к нам и в заряжающие? Тебе ж по чину вполне даже в командиры танка! Или вообще, не в боевое подразделение.

– Полковник приказал, – ответил Боб, – у командира, у тебя, у Фредди (тут он кивнул в сторону мехвода), у каждого свой люк, быстро выскочить, когда нас подожгут. А у меня нет, я должен буду кого-то из вас ждать. Так что предупреждаю – застрянешь в люке, я тебя за ноги и наружу, и мне плевать, что ты при этом переломаешь, или хоть шею свернешь, я в жаркое превращаться не хочу. Тебе в танке гореть не приходилось – ну а мне три раза.

– У них нормальных танков нет, – с сомнением сказал наводчик, – их Т-54 был чемпионом, но в каком году его приняли, в сорок третьем? А наш «сорок шестой»? Тем более там наша авиация все разбомбит – нам после лишь проехать и территорию занять! Так тебя наказали – за что?

– Пришиб одного придурка, который всякие вопросы задавал, – ухмыльнулся Боб, – еще вопросы есть, или заткнешься?

И снова стал мучить губную гармошку.

– И пусть король глядит с холма – мы в бой идем, противник наш, держись!

Майор вспомнил странные слухи из Китая, неизменно опровергаемые как паникерские. Что у красных появились какие-то самолеты, превосходящие наши. Примечательно, что это печаталось исключительно в местных газетах – американская пресса и радио хранили молчание. А подполковник Форест сказал прямо:

– Парни, ну подумайте сами! Может, Советы и придумали что-то лучшее – но сколько у них таких, в сравнении с нашей воздушной мощью? Сколько они могут сделать действительно хороших истребителей – если всю войну просидели на наших поставках по ленд-лизу? За которые, кстати, так и не расплатились, по бедности! Вот сколько у них сейчас этих реактивных «мигов», о которых лимонники с лягушатниками пишут всякие бредни?

– Ну, штук двести, наверное, – предположил капитан Адамс.

– Не двести, а тридцать два! – ответил Форест. – Мой приятель из разведотдела сказал, установлено точно. А в наших ВВС сорок тысяч боевых самолетов, вот и считайте!

Так что майор был уверен – будет приказ, и вперед, за победами, чинами и орденами! А когда мы войдем в Москву, и Россия капитулирует... вот тут среди офицеров тогда возник спор. Одни считали, что мы будем милосердными победителями, в отличие от Гитлера, ну что за дурной тон – убивать всех не разбирая, надо лишь тех, кто не приемлет наших идеалов! Другие же утверждали, что наша американская демократия это, бесспорно, самый лучший политический строй, и кто утверждает обратное, тот просто сумасшедший – однако же кто-то должен и работать на ее благо, и ведь вы не считаете, что все русские, негры, китайцы должны иметь равные права с белыми людьми? Тогда, сугубо в теории, можно было предположить, что чернокожий способен стать президентом Соединенных Штатов, что есть абсурд! Хотя, конечно, истинный джентльмен должен быть милостливым с животными и неграми, если, конечно, они смирны: быть подобием Саймона Легри – это дурной тон! Сошлись на том, что после победы – как наш президент решит, так и будет. А вообще, русские после будут нам благодарны за то, что мы их освободили от сталинской тирании и приобщили к демократии!

Шестьдесят шестой танковый батальон Армии США во исполнение приказа выдвигался к границе, чтобы поступить в оперативное подчинение командования 39-й пехотной дивизии. Пятьдесят пять танков – в роте три взвода по пять машин, плюс два в управлении и еще четыре в штабном взводе батальона. Но «паттоны» лишь в первой роте и в штабном взводе, получены этим летом, вместо «першингов», экипажами еще толком не освоены. Вторая рота на старых добрых «шерманах» с длинноствольной 76-миллиметровкой, третья на новейших легких «бульдогах», которые, однако, «шерману» почти не уступали: вес за двадцать тонн и тот же калибр пушки, в ту войну их бы к средним причислили, немецкий «панцер три» с ними наравне. Ну и в хвосте колонны тянулись с десятков грузовиков с батальонным имуществом и снабжением.

Должны были быть на месте еще засветло. Но эти проклятые лягушатники – их президент сегодня выступил с совершенно возмутительной речью! Надежда, что из Вашингтона быстро вправят ему мозги – ну а пока нас тут сразу стали за оккупантов считать? Когда мы готовы в бой идти, сражаться, а возможно, и умирать, за свободу, равенство, братство, что там еще – этих лягушатников, которых русские в свои колхозы погонят и в ГУЛАГ сошлют, если придут завтра?

Был четкий план передвижения, полученный в штабе. Сколько труда стоит перебросить даже дивизию – если выделить ей «бутылочное горлышко» единственной дороги, колонна растянется на десятки миль! Потому для каждого подразделения существует свой график и маршрут, это и есть важнейшая работа штаба. И вот все полетело к чертям!

Сначала был сломанный мост. Колонна дисциплинированно свернула туда, куда направлял указатель объезда. Затем был какой-то городок, решительно все жители которого не понимали по-английски. Затем выяснилось, что у одного из грузовиков почти пустой бак, а на попавшейся бензозаправке отказались принимать не только американские военные чеки, но даже и доллары! И уж совсем вопиющей в какой-то придорожной забегаловке была надпись на двери – «американских солдат не обслуживаем». Тогда майор удержал парней, порывающихся остановиться и поучить хозяина вежливости – погромили после уже другую лавочку, на которой было написано: «Американцам и с животными вход воспрещен», набили морды подъехавшим французским жандармам, отобрали у них оружие и бляхи, и продолжили путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.